

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

№8 (146)

2020

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 31.08.2020

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 5.81

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Ханселяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Колосов И.В. Как «дилемма заключенного» обуславливает регулятивную функцию права? 7	7
Красников И.С. Проблема «государственности» в теориях политогенеза 13	13
Равочкин Н.Н. Международные государственно-правовые институты и специфика их функционирования в условиях глобализации 18	18
Ревина С. Н., Казарян А. Г. Правовая природа информационных прав 24	24
Шушпанов М.К., Макаров А.П., Саражинский Н.С., Коновалов Н.Н., Забайкалов А.П., Щукина Т.В. «My Voice (STUDY)» как программа для ЭВМ — онлайн симулятор электронного голосования на выборах: развитие НТИ и GameNet 29	29
Щукина Т.В. Формы и методы административно-правового регулирования в социально-экономической сфере 34	34
ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ) 41	41

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК: 340.115; 51–77; 519.834

DOI: 10.14451/2.146.7

КАК «ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО» ОБУСЛАВЛИВАЕТ РЕГУЛЯТИВНУЮ ФУНКЦИЮ ПРАВА?

© 2020 Колосов Игорь Владимирович

соискатель кафедры истории права и государства Юридического института

Российский университет дружбы народов, Россия, Москва

E-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Настоящая статья посвящена обоснованию при помощи методологии теории игр необходимости регулирования общественных отношений правовыми нормами. Теоретическая значимость статьи связана с тем, что, несмотря на наличие значительного количества англоязычных работ, для российской юридической науки поднимаемый вопрос является относительно новым. Актуальность статьи и ее практическая значимость обуславливается возможностями по выявлению оптимальных решений в рамках правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: Теория игр, дилемма заключенного, игра, исследование операций, регулятивная функция права, Т. Гоббс.

«Дилемма заключенного» представляет собой один из наиболее распространенных* к применению в юридической науке пример игры, анализируемой теорией игр**, который обосновывает, что в ситуации конкуренции за реализацию собственных интересов два рационально действующих лица не будут сотрудничать, если отсутствует уверенность, что достигнутые договоренности (или неформальные правила) будут исполняться другой стороной, хотя сотрудничество привело бы к наиболее выигрышной ситуации как для «общества» (состоящего из этих двух лиц), так и для каждого из этих лиц в отдельности.

Идентификация существующих в обществе интересов и проецирование их в правовом измерении, как отметила М. В. Немьтина, «позволяют увидеть спектр методологических ракурсов, дающий импульс новым направлениям правовых исследований»***. С учетом этого, анализ интересов лиц, вступающих в общественные

отношения, методологией теории игр позволит как определить мотивы принятия юридически значимых решений, так и выявить оптимальные механизм правового регулирования и решения при правоприменении.

«Дилемма заключенного» может использоваться в качестве модели для многих реальных ситуаций, связанных с совместным поведением, взаимодействием лиц в рамках общественных отношений, а значит, актуальна для юридической науки. «Дилемма заключенного» может применяться и к ситуациям, не строго соответствующим формальным критериям классических или итеративных (повторных) игр: например, тех, в которых два лица могут получить выгоды от сотрудничества или пострадать от отказа от сотрудничества, но им сложно, затратно или невозможно координировать деятельность друг с другом.

Как было отмечено К. Е. Сигаловым, «игра и соревнование — [...] это основание равнопра-

* Так, например, Р. Х. МакАдамс, обосновывает, что частота упоминаний и использования «дилеммы заключенного» в юридических исследованиях довольно высока (McAdams R. H. Beyond the Prisoner's Dilemma: Coordination, Game Theory and the Law. (John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 437, 2008). — 56 p.).

** «Теория игр — раздел прикладной математики, в котором рассматриваются методы изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов. Каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу — в зависимости от поведения других игроков» (Максимова Н. Н. Теория игр: учебно-методическое пособие / Н. Н. Максимова. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. С. 3).

*** Немьтина М. В. Интересы в правовом измерении. / В сборнике: «Интересы в праве. Жидковские чтения», под общ. ред. д. ю. н., проф. М. В. Немьтиной. 2017. С. 6.

вия и свободы»*. Учитывая свободу действий, ограничиваясь запретами, установленными правом (формальным) и неформальными институтами**, для того чтобы победить в игре и соревновании, увеличить собственную выгоду требуются слаженные действия. Вместе с тем лицам, вступающим в общественные отношения, в виду их оппортунистического поведения, как это продемонстрировано в «дилемме заключенного», может быть более выгодно действовать не в кооперации, а в собственных интересах.

Так, согласно «дилемме заключенного» если один правонарушитель свидетельствует против другого, при этом второй не дает показаний против первого, то первый освобождается от ответственности, а второй получает максимальное наказание. Нераскрытие первым информации о правонарушениях второго привело бы к тому, что каждый из правонарушителей получил бы

минимальное наказание и это было бы Парето-оптимальным распределением между правонарушителями. Раскрытие информации обоими правонарушителями привело бы к более жесткому наказанию для каждого, но к меньшему, чем максимальное, что и достигается в условиях, если заключенные максимизируют собственную полезность. Ситуация, описанная в «дилемме заключенного», в условиях отсутствия права или неформальных правил не приводит к свободе. Обусловить достижение равноправия и свободы в ситуациях, попадающих под структуру «дилеммы заключенного», может право и неформальные правила***.

В классической «дилемме заключенного» подразумевается отсутствие возможности воздействовать на другого заключенного, например, предоставить награду за неразглашение сведений или угрожать за сотрудничество со

		Заключенный № 2	
		Не свидетельствовать против заключенного № 1	Сотрудничать со следствием
Заключенный № 1	Не свидетельствовать против заключенного № 2	(-1; -1)	(-10; 0)
	Сотрудничать со следствием	(0; 10)	(-5; -5)

Рис. Матрица решений «дилеммы заключенного»

* Сигалов К. Е. Исторические основания игр, имманентных праву. / В сборнике: «Право — явление цивилизации и культуры», под общ. ред. д. ю. н., проф. М. В. Немьтиной. Выпуск I. 2019. С. 45.

** Согласно нормативному подходу институт рассматривается как установленное извне правило, регламентирующее поведение человека. Институт выступает в качестве некоторого внешнего ограничителя свободы выбора человека. Формы регламентации как правило различаются по степени жесткости и по степени формализованности. Формализованность регулирующего правила характеризуется степенью участия властных структур общества в процессе регулирования поведения индивида и его наказания. Институты, обладающие высокой степенью формализованности, называют формальными, а институты, обладающие низкой степенью формализованности, — неформальными (Шавкунова И. С. Ш14 Институты и их роль в жизни общества.: учеб. пособие для студентов, магистрантов / И. С. Шавкунова. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 7). Таким образом, право является формальным институтом.

*** В большей мере данный тезис относится к иным общественным отношениям, проанализированным далее, не связанным с необходимостью координации правонарушителями своих действий для минимизации размера юридической ответственности, и здесь приводится в классической модели «дилемма заключенного» для только целей обоснования использования институтов для достижения Парето-оптимального распределения. Автор данным тезисом не намерен обусловить мысль о нецелесообразности привлечения к юридической ответственности и необходимости обеспечить правонарушителям при помощи права уверенность в том, что другой правонарушитель не будет сотрудничать со следствием. Наоборот, гарантированность или высокая вероятность привлечения к юридической ответственности является одним из способов упорядочить общественные отношения таким образом, чтобы стремление к достижению собственных интересов, в том числе в рамках ситуаций, анализируемых «дилеммой заключенного», не приводило к ущемлению интересов других лиц.

следствием. Единственными результатами для заключенных в стандартной игре «дилемма заключенного» являются приговоры к тюремному заключению, которые они получают и на которые они могут повлиять, принимая решение сотрудничать со следствием или не раскрывать информацию о преступлениях другого заключенного. Поскольку первое из указанных действий влечет сравнительно большие выгоды при любом из решений другого заключенного*, рационально действующие заключенные будут сотрудничать со следствием, даже, несмотря на то, что нераскрытие информации каждым из заключенных привело бы к существенно меньшим срокам.

Парето-оптимальное распределение между правонарушителями не достигается, поскольку единственное возможное равновесие — раскрытие информации каждым из заключенных в отношении правонарушений другого. Каким бы не было поведение другого правонарушителя, будет более выигрышная стратегия по «сдаче» второго.

Формальные и неформальные институты могут повлиять на принимаемые в таких ситуациях решения. Например, если оба заключенных состоят в организованной преступной группе, то правило о недопустимости «сдачи» другого заключенного, поддерживаемое авторитетом руководителей такой преступной группы, находящихся на свободе (и угрозой наказания со стороны такой группы) (далее — институты преступного сообщества), может существенным образом повлиять на принятие заключенными решений и привести к Парето-оптимальному распределению между правонарушителями — каждый не «сдаст» другого и получит при этом минимальный срок.

Иное следствие «дилеммы заключенного» выражается в том, что возможны ситуации, когда в интересах обоих заключенных сознаться в преступлении и свидетельствовать против другого, даже в случае невиновности обоих. Наиболее худшей ситуацией является вариант, когда среди двух заключенных только один виновен в совершении преступления. В данном случае оптимальной стратегией для преступника будет свидетельствование против невиновного, в то время как последний вероятно не сознается в преступлении, которого он не совершал. Таким

образом, возможна ситуация с освобождением преступника и осуждением невиновного.

Государственная политика по борьбе с преступностью и соответствующее этому нормативно-правовое регулирование должно учитывать эти следствия из «дилеммы заключенного», во-первых, путем предоставления, при необходимости, возможностей по государственной защите лиц, сотрудничающих со следствием, в случае если предоставляемая ими информация является ценной для поимки иных правонарушителей, привлечения их к юридической ответственности и предотвращения преступлений а, во-вторых, путем обеспечения всесторонней проверки информации сотрудничающих со следствием заключенных. Необходимо с осторожностью относиться к сделкам о признании вины, когда в случае признания заключенным вины в совершении преступления, дальнейшее следствие не проводится или проводится в недостаточном для выявления истины объеме. Во взаимосвязи с последним необходимо учитывать, что в ситуации со сделкой со следствием возможно укрывательство невиновным лицом действительного преступника, например, когда ожидаемое наказание в рамках институтов преступного сообщества оценивается заключенным выше, чем наказание в рамках формальных институтов, то есть предусмотренное уголовным законом.

Многие социальные взаимодействия демонстрируют структуру «дилеммы заключенного». Именно в них более наглядно проявляется уже упомянутая формула по обеспечению в условиях соревнований и игр равенства и свободы при помощи права. Например, в рамках простого экономического обмена, поскольку зачастую оплата и поставка товара не одномоментные (или могут иметь место скрытые свойства товара, иная асимметрия информации), появляется гипотетическая возможность неисполнения надлежащим образом обязательств по договору (не платить, не поставлять товар или поставить товар ненадлежащего качества). Если продавец поставит товар надлежащего качества, а покупатель его оплатит, то достигается Парето-оптимальное распределение между сторонами договора. Но в условиях отсутствия права и неформальных правил, каждому из контрагентов может быть более выгодным в рамках конкрет-

* «0» против «-1» (в случае если другой правонарушитель не раскрывает информацию о правонарушениях первого) и «-5» против «-10» (в случае если другой правонарушитель сотрудничает со следствием).

ной сделки нарушение обязательств, продавцу — сохранить товар за собой, получив при этом оплату, или поставить товар ненадлежащего качества при получении оплаты в полном объеме; покупателю — безвозмездно получить товар. Осуществление такого оппортунистического поведения максимизирует полезность недобросовестного участника гражданского оборота, поскольку в условиях отсутствия гарантированного правом встречного исполнения контрагентом обязательств (например, институтом привлечения к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств), будут иметь место сравнительно большие выгоды (или исключены потери) при любом из возможных поведений контрагента.

Частично проблема решается в случае, если игра является итеративной (повторной)* — покупатель и продавец с меньшей вероятностью пойдут на обман, рассчитывая на добросовестные взаимоотношения в дальнейшем. Тем не менее, и в этой ситуации могут быть проявления оппортунизма, в особенности, если для выявления скрытых дефектов товара требуется определенное время или специальные знания, проведение экспертиз**. Именно право как регулятор общественных отношений путем установления ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, а также способов обеспечения исполнения обязательств, относительно эффективно может пресекать оппортунистическое поведение контрагента по договору, поскольку правом должно обеспечиваться соблюдение условий договора не только в рамках итеративных игр, но даже в ситуации классической (неповторяющейся) игры.

Известная в экономической теории пробле-

ма «безбилетника» — ситуации, при которой экономические субъекты бесплатно пользуются общественными благами (в виду их неисключаемости), функционирование которых, тем не менее, требует определенных расходов, является примером «дилеммы заключенного» с множеством участвующих в соответствующих общественных отношениях лиц. Автобусные системы города Москвы, а также во многих европейских странах устроены по принципу отсутствия в транспортном средстве лица, уполномоченного осуществлять контроль оплаты проезда. В целом такие системы основываются на доверии. Тем не менее, они могут работать только в том случае, если достаточное количество пассажиров оплачивает проезд. С экономической точки зрения, наилучший результат для каждого пассажира в отдельности — это не платить за проезд, в то время как другие бы платили, чтобы автобусная система могла функционировать. Но если все примут эту стратегию, автобусы перестанут ходить, и всем придется использовать альтернативный вид транспорта, что будет проигрышем для всех.

Любой вид общественного блага сталкивается с этой проблемой. Она характера для загрязнения окружающей среды или национальной обороны. Еще один пример связан с разоружением отдельных государств и мирового сообщества в целом. Государства находятся перед дилеммой — увеличить ли расходы на вооружение или направить высвободившиеся средства на социальное обеспечение, продовольствие и иные нужды (проблема «пушки вместо масла»). С политической точки зрения, лучшая ситуация для государства — это иметь достаточное количество вооружения, в то время как все другие

* В том числе за счет того, что такая стратегия участников экономического оборота влечет невозможность участников гражданского оборота осуществлять экономический обмен и заключать иные договоры, имеющие консенсуальный характер.

** С учетом проведенного Дж. Акерлофом анализа рынка «лимонов» (Akerlof G. A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. In: Estrin S., Marin A. (eds) Essential Readings in Economics. Palgrave, London. 1995. P. 175–188), оппортунистическое поведение со стороны продавца в итеративных играх на практике приводит к Парето-неоптимальному результату, в частности на рынках с высокой асимметрией информации, например, на рынке поддержанных автомобилей. Продавцы «слив» («хороших автомобилей» в понимании Дж. Акерлофа) вынуждены либо отказаться от продажи, либо продавать автомобиль по цене, соответствующей стоимости «лимона» («плохих автомобилей» в понимании Дж. Акерлофа), покупатели же вынуждены с большей вероятностью покупать «лимоны» в виду ухода с рынка «слив». «Плохие» машины имеют тенденцию вытеснять с рынка «хорошие» (во многом подобно тому, как «плохие» деньги согласно закону Грешема вытесняют «хорошие») (Ibid, p. 176–177). Это обусловлено более выигрышной стратегией игры в рамках «дилеммы заключенного» — покупатели не готовы приобретать автомобиль по более высокой цене, поскольку в условиях асимметрии информации не могут отличить «сливу» от «лимона» и рискуют купить «лимон» по цене «сливы», что невыгодно, а продавцы «слив» в такой ситуации снижают цену до невыгодной для себя или уходят с рынка.

государства будут разоружаться. Поскольку все же лучше быть вооруженным, если другие нации вооружены, это делает вооружение доминирующей стратегией, которая дает знакомый из «дилеммы заключенного» результат: вооруженные страны получают худший результат, чем если бы все разоружились, но это более оптимальная стратегия, чем если бы конкретная страна разоружилась, а другие нет. В некоторой степени решению данной проблемы могут способствовать международные договоры.

Во всех вышеуказанных и в иных ситуациях, для которых актуальна «дилемма заключенного», наиболее действенным способом получить уверенность в том, что возможно доверять лицу, вступающему в игру, в том, что оно выполнит свою часть обязательств в игре, является создание механизма, гарантирующего применение санкций к тем, кто играет не по правилам.

Томас Гоббс считал, что единственный выход из социальных ситуаций, подобных указанным, — это иметь какой-то механизм, который гарантировал бы, что люди не будут в собственных интересах отступать от ранее принятых договоренностей, будут исполнять принятые на себя обязательства, иметь какой-то способ обеспечить соблюдение соглашений или контрактов, налагая санкции на тех, кто нарушает их. Для Т. Гоббса государство было органом принуждения — «соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность»*. Без существования законов, правительства, судов и иных правоохранительных органов все были бы в «естественном состоянии», по сути, структурированном как «дилемма заключенного» (до момента вмешательства права и неформальных институтов), постоянном состоянии «войны всех против всех». Отсюда, согласно его бессмертным словам, государство

необходимо, чтобы уберечь людей от одиночества, бедности, беспросветности, тупости и кратковременности**.

Юридическая ответственность, налагаемая на тех, кто укрывает доходы в целях меньшей уплаты налогов, или тех, кто пойман на бесплатном проезде в общественном транспорте, являются типичными примерами сдерживания «мечом» от совершения правонарушений, от оппортунистического поведения, направленного на извлечение собственной выгоды в ущерб третьим лицам. Таким образом, необходимость избежать оппортунизма в рамках «дилеммы заключенного» является аргументом в пользу создания сильного государства, гарантирующего исполнение принимаемых на себя экономическими субъектами обязательств, во благо всего общества.

Как результат соответствующей государственной политики и правового регулирования экономические субъекты, вступающие в игру, в рамках «дилеммы заключенного» более вероятно будут принимать решения, максимизирующие общественную полезность, поскольку будут защищены от оппортунистического поведения контрагента правовыми нормами, обязательность которых будет гарантироваться силой государственного принуждения. Сотрудничество уже на ранних этапах серии игр по модели «дилемма заключенного» делает возможным Парето-оптимальное распределение не только в классической ситуации, но и увеличивает выгоды при повторных играх, связанные со снижением неопределенности, по причине изначальной относительной уверенности в надежности контрагента и меньшими затратами, связанными с необходимостью проверять надежность контрагента на следующих итерациях.

Библиографический список

1. Гоббс, Т. Соч.: в 2 т. М., 1989–1991. Т. 2. М.: Мысль — 731 с.
2. Максимова, Н.Н. Теория игр: учебно-методическое пособие / Н.Н. Максимова. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. — 94 с.
3. Немытина, М.В. Интересы в правовом измерении. / В сборнике: «Интересы в праве. Жидковские чтения», под общ. ред. д.ю.н., проф. М.В. Немытиной. 2017. С. 5–13.
4. Сигалов, К.Е. Исторические основания игр, имманентных праву. / В сборнике: «Право — явление цивилизации и культуры», под общ. ред. д.ю.н., проф. М.В. Немытиной. Выпуск I. 2019. С. 45–52.
5. Шавкунова, И.С. Институты и их роль в жизни общества: учеб. пособие для студентов, магистрантов / И.С. Шавкунова. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. — 72 с.

* Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М., 1989–1991. Т. 2. С. 129.

** Там же, с. 96.

6. *Akerlof, G.A.* The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. In: *Estrin S., Marin A.* (eds) *Essential Readings in Economics*. 1995. Palgrave, London. P. 175–188.
7. *McAdams, R.H.* Beyond the Prisoner's Dilemma: Coordination, Game Theory and the Law. (*John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 437, 2008*).— 56 p.

ПРОБЛЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В ТЕОРИЯХ ПОЛИТОГЕНЕЗА

© 2020 Красников Иван Сергеевич

E-mail: krasnikov.iwan@yandex.ru

В статье выявлена сложившаяся недостаточность инструментария в области исследования политико-правовых феноменов. Автор формулирует собственную модель организации разрозненных представлений о становлении «государственности» как социального феномена. В основе предлагаемой концепции заложена идея дихотомического противопоставления цивилизационного возраста глобальных политий (образы государственности с протяжённой и краткой родословной). Центральная идея подобной концептуализации основана на обобщении многообразия трактовок «государственности» по их отношению к феномену политогенеза. В статье показана субстанциональная отличность политических общностей нововременных институтов.

Ключевые слова: полития, вождества, государственность с краткой и протяжённой родословной, нововременной, политогенез.

Термин «полития» пока не укоренился среди исследовательского сообщества. Одно из следствий этого — создание терминологических оксюморонов из противоположных по смыслу слов. (Критика использования плеоназмов в юридической науке представлена в работе Репина [18, с. 17, 19, 37–40].) Например, таких, как: «древнерусское государство», «античное государство», «американское...»; Преодоление такой тенденции позволит отказаться от компромиссных прилагательных, которые добавлялись авторами с целью показать разницу между сегодняшним государством и «ранним». Всё видовое разнообразие политических общностей (социальных институтов, которые институционализировали определённый тип власти — дистрибутивную (коллективную) или индивидуальную — корректно располагать внутри понятия «полития». Вместе с тем, античный полис (polis), локальный подконтрольный доминион (regnum), равным образом современную форму организации власти (state) и др. большинство исследователей продолжают втискивать в понятие «государства».

Термин же «полития» позволит отказаться от неубедительных концепций государственности с бесконечным прошлым, восходящим ещё в донеолитическую эпоху. Теоретическое следствие у нелинейно-поступательного подхода к эволюции политики выражается в дифференциации её форм. Это, в свою очередь, влечёт отказ от априорной приемственности признаков между разными видами политий, даже внутри одной формы (например, тождества между nation state

и constitution state, и уж тем более polizeistaat).

Однако каким образом можно сгруппировать исследовательские подходы, которые настаивают на долгом прошлом «государства», и те, которые считают, что та государственность, в котором пребывает человечество в настоящем, оформилась не раньше XV–XVI вв.? Согласно исследовательскому подходу, применяемому в данной работе, первая группа представлений является ошибочной, но научный метод предполагает умение классифицировать и ложные проекции.

Авторской концепцией является попытка развить теорию «родословной» государственности. Точнее не развить, а сформулировать, поскольку как таковой теории нет, но есть сам термин — «родословная», применительно западным формам публичной власти, который обособился в науке, благодаря работам Скиннера [27] и Андерсона [1]. (Характерно, что принадлежность к разным исследовательским традициям сказалась на названиях работ, посвященных одному периоду.) Данный концепт основан на аналитической традиции изучения социокультурных оснований появления какого-либо феномена, в том числе и политического. Например, Скиннер в своих работах обстоятельно изучает идейные основания нововременного периода в жизни Европы, чтобы показать «закономерности» оформления тех институтов, которые выделились в данный период времени [19].

Можно сказать, что в социальной науке ещё не сложился конструкт, который бы назывался концепция государственности с длинной родос-

ловной (statehood with a long pedigree). Это конструкт, обобщающий теоретические представления разных теорий о преемственности развития государственности. Приверженцы такой модели те исследователи, которые полагают, что государственность — имманентно заложенная форма организации политических институтов социума.

Тем самым, история государственности началась ещё при формировании первых вождеств (обычно скрыто под термином «раннее государство» [Еллум, 22, с. 595]; приверженцы классовой теории называют этот период обычно «догосударственным»). Государственность в такой интерпретационной модели выступает в качестве образа крупномасштабного «вождества», которому удалось подчинить другие народы и земли. Некоторые авторы даже усматривают в этом периоде зарождение «империализма» [Лаат, 11, с. 404]. Неудивительно, что завершённость такой концепции была обретена в рамках марксистской линейности — теорий формаций.

Последовательность развития концепции государственности с длинной родословной является зеркальное её преломление, обобщающее противоположенные исследовательские модели, — это государственность с краткой историей (родословной).

Суть таких представлений сводится к следующим позициям:

1. разделять политогенез на эволюционные развилки, предполагающие институциональные аналоги государственности, отсутствие предзаданности «государства» как феномена социальной эволюции [17];

2. сводит возникновение государственности как социального феномена к появлению нововременного (VII–VIII вв.) политогенеза, характеризующегося оформлением нового типа коллективных отношений — публичной власти (В терминологии Бурдые — в данный период происходит «рождение публичной политики», «публичного поля» [3, с. 628]. Тогда же происходит «генезис понятия гражданина как противоположности понятия подданного» [3, с. 629]);

3. рассматривать аналоги государственности не в функциональном измерении (что свойственно, например, для представителей австрийской экономической школы), а полиморфном качестве [13, с. 8–9 и др.], не сводимым к выполнению государственностью определённых функций. Это признак не является определяю-

щим для концепции государства с краткой историей: он обобщает методологические установки лишь некоторых исследователей, которые прямо заявляют о неисчерпаемости или вовсе «побочном» эффекте функций государственности. Ряд исследователей, описывая функциональное измерение государственности, не обобщают их до субстанционального качества.

Применяя в действии второй подход (концепцию государственности с краткой родословной), корректным названием для ранних политических образований будет домодерновые формы политий, для современных — (после)модерновые. Таким образом, «модерн» выступает тем таксоном (критерием), который разделяет не только мир идей на эпохи «до» и «после», но изменяет видовые конфигурации политических общностей, порождая новые формы организации властных отношений. В связи с этим возникает потребность изучить феномен «модерна» в политико-правовой теоретической интерпретации.

Самый примитивный, но при этом самый распространённый способ интерпретации «модерна» сводится к приравнению (тождеству) с понятием «современность» [14, с. 11]. При этом сам термин «современность» остаётся таким же смысловым неопределённым, как и сам термин «модерн». Интуитивно-понятный механизм освоения понятия происходит при уподоблении концепта «современности» тому социальному пространству, в котором проживает человек «сейчас». Очевидным следствием этого становится наращивание «современностей», что сказывается и на терминологии «постмодерн», «пост-постмодерн» и т.д. (В связи с этим модель «маятника Чижевского» приобретает новое эвристическое значение в качестве прогноза появления новой терминологии [6, с. 10].)

Однако специальная литература, посвящённая анализу этого феномена, опровергает подход, создающий эквивалентность между пребыванием в настоящем («современностью») и концепцией «модерн». Такая позиция обусловлена тем, что эпоха модерна создаёт особое социально-культурно пространство, которое изменяет, том числе политико-правовую действительность.

Именно в этот период рождается теория естественных прав, которая успеет реинкарнироваться в XX в, после её забвения в XIX [25, с. 86]. Однако каким образом идеи естественных прав,

так и концепция «общественного договора» смогла институционализироваться? Ведь появление идеи, ещё не означает изменение социальной реальности под её влиянием. Можно фокус исследовательского внимания скорректировать в такую плоскость: каким образом происходил процесс нормативизации правовых ценностей в социально-политической культуре Нового времени?

Объяснение этого феномена возможно, если выйти из дисциплинарных коридоров теории права, обратившись к обобщениям, сформулированным в других описательных науках.

Наиболее убедительная теория, которая раскрывается феномен нововременного политогенеза — это концепция «развития индивидуальности», «пробуждения личности» [4, с. 88–91, 586]. Такая постановка проблематики имеет важное следствия для теоретизации о политических общностях: государственность — это продукт культуры (производное политико-правовой культуры). Иначе говоря, «...государство, определяемое культурой» [Гусейнов, 8, с. 11]. Это подтверждает подход, выбранный ещё Муромцевым, о стремлении познания правовых явлений через правовые культуры, а не национальные порядки, которые в свою очередь могут быть лишь частным проявлением, действующих в данной системе принципов [15, с. 18, 41 и др.]. Такой подход методологически схож с мир-системным анализом, которых оформился значительно позже (известный представитель мир-системного анализа Валлерстайн [5]).

Характерно, что Новое время изменило правовой «космос». В этот период происходит становление прав человека не только как социального феномена (так называемые «права первого поколения»), но, что не менее важно, появляется их терминологическое отображение. Это способствует экспансии «прав» в другие социальные порядки, по крайней мере, освоения другими культурами на уровне смыслов (язык (нео) римской юриспруденции был выбран в качестве такого универсального кода), а не действительного изменения правовых порядков (отказ от механических представлений о возможности правовых рецепций происходит позднее [28]).

«Человекоцентричность» этого периода проявлялась в опредмечивании социального порядка человеческим измерением [16, с. 40]. Эта мысль хорошо иллюстрируется на изучении феномена «естественного права»: как эта концепция в

этом период перестала обосновываться теорией божественного естества, уступив место естеству человеческому [25, с. 87]. Отрицанием можно считать и формирование противоположных мироощущению Модерна исследовательских традиций. Примером такого подхода, который в том числе и сказался на последующих правовых исследованиях, является теория циклов культурного развития Вико [2, с. 205]. С определёнными трансформациями, но аналогичный подход отразился в работах последующих правоведов. Так, идея права каждой нации на своё «государство» стало идейным фундаментом принципов, которые применялись представителями «исторической правовой школы» [7, с. 19–20 и др.]. Культурное и правовое разнообразие было положено в основу социологически-правовых исследований Сорокина [21, 571–614]. В текущей современности окончательное оформление идеи множественности нормативных порядков была обретена в рамках теории правового плюрализма [23, с. 153–155]. Таким образом, можно отметить, сразу, что Постмодерн вышел из Модерна, как только появился запрос на контрмодерные идеи, которые имманентно присутствовали в нём всегда (причины такого «социального запроса» не входят в предмет теоретико-правового исследования).

Примечательно, но анатомия процессов, происходящих в Новое время, представляет из себя отдельный сложный вопрос. Осознание конституирующего значения происходящих в нём изменений — их «авангардная» революционность по отношению к прежним — была осознана не сразу. Даже понятийный язык отставал от скорости изменений. Например, понятие «Возрождение» (этот символ и элемент Модерна) появилось в социальной обиходе с запозданием. Как указывает Февр в статье, вышедшей в 1950 году [24, р. 177], столетие назад термина «Ренессанс» ещё не было [24, с. 377]. При этом отмечает случаи спорадического употребления [24, с. 378].

Для европейского сознания стало необходимым создать новое фундаментальное обоснование строения социального универсума, в том числе большей её части — мира политических и правовых концепций. Переоформление действительности проходит под идей «контрактной» государственности. Левиафан как символ «государственности» (в греческой традиции — Минотавр [9, с. 25–40] оказывается в границах, очерченных не его природой, а человеческой. А последняя предполагает выполнение

функций, ради которых она и учреждалась. Ожидание выполнения определённых «задач» зависело от идейного компаса того автора, который тереотезировал на этот счёт: от приверженцев «ночного сторожа» до эгалитаристских концепций [10, с. 63].

Таким образом, Модерн как культурно-социальное, и прежде всего как политико-правовое явление, началось на излёте позднего Средневековья. Это определение не хронологическое, а содержательное. Если для высоких Средних веков, действительно, применимо определение, которое дал Канторович («власть, тяготеющая к праву» [12, 163–255]), то право это всё ещё иномирное, не обретаемое и не исчерпаемое рамками позднейшей юридической техники (в широком смысле — прежде всего интерпретаций) явление. Но Новое время, особенно в одном из магистральных для себя направлений — гуманистики, преодолевается

в себе, точнее, через себя: посредством нового языка и человекоцентричного мироощущения — пиететом по отношению к римскому наследию. Цивилистическая культура («карикатурное» изображение итога этого же действия — шествие гражданских кодексов по Европе) — это не последствия рецепции римского частного права, а последствия его рождения в этой период. [19, с. 347]. Немецкоязычные специалисты по истории понятий, также подтверждают мысль о преодолении «Античности», её пересборки, а не о реконструкции (если этот термин вовсе применим к глобальным социальным проектам [20, с. 249]. Таким образом, можно говорить о том, что Модерн — это преодоление наследия «старого» Рима, создание новых правовых идеалов, пусть и символике древних феноменов — манифестирующей или подразумеваемой преемственности по отношению к наследию Античности.

Библиографический список

1. *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. Ивана Куриллы. — М.: Территория будущего, 2010. — 510, [1] с. — (Университетская библиотека Александра Погорельского).
2. *Берлин И.* Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинды. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с.
3. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.
4. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. — М.: Юрист, 1996. — 592 с. — (Лики культуры).
5. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. [2-е издание] / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 493 с.
6. *Власов В. Г.* Маятник Чижевского, или как история убивает гениев. Добавления к теории прогрессивного циклического развития Ф. И. Шмита // Архитектон: известия вузов. 2015. № 49. С. 10
7. *Гирке О. ф.* Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011. 510 с.
8. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Отв. ред. А. А. Гусейнов. — М.: Летний сад, 2011. — 288 с.
9. *Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история ее возрастания / пер. с фр. [А. В. Матешук, В. П. Гайдамака]. — Москва: ИРИСЭН: Мысль, 2010. — 544 — (Серия: «Политическая наука»).
10. *Завадский С.* «Государство благоденствия». Доктрина и практика. / пер. с польского Б. Т. Челяпова, А. А. Якушев под ред. Г. Х. Шахназарова. — М.: Прогресс, 1966. — 376 с.
11. История человечества: В 8 т. Т. 1: Доисторические времена и начала цивилизации / Под ред. З. Я. Де Лаата [и др.]; [Отв. ред. Э. А. Манушин]. — М.: ЮНЕСКО: Издат. Дом Магистр-Пресс, 2003. — 681 с.
12. *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегинной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 752 с.
13. *Манн М.* Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты // Неприкосновенный запас. 2018. № 2 (118). С. 3–33.
14. *Мартьянов В. С.* Политический проект Модерна: от мирозкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире / В. С. Мартьянов. — М.: РОССПЭН, 2010. — 357 [1] с.
15. *Муромцев С.* Определение и основное разделение права. — М.: *Типография А. И. Мамонтова и Ко*, 1879. — 240 с.
16. *Пелипенко А. А.* Контрэволюция. — М.: Издательство «Знание», 2016. — 240 с.

17. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. — Волгоград: Учитель, 2006. — 558 с.
18. *Репин Е. Н.* Межевая теория права. Начала терминологии. [2020]. С. 17, 19, 37–40 и др.
19. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. В 2-х т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / перевод с английского Андрея Олейникова. — М.: Дело, 2018. — 461 с.
20. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 736 с.
21. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. — М.: Академический проект, 2017. — 964 с. — (Теории общества).
22. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза: [сборник статей норвежских политологов] / под ред. Стейна Угельвика Ларсена; [пер. с англ. Е. А. Жуковой]. — М.: РОССПЭН, 2009 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). — 750, [1] с.
23. *Уакс Р.* Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. — М., 2020. — 176 с.
24. *Февр Л.* Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 630 с. — (Памятники исторической мысли)
25. *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 1 / Пер. с польск. Барзова Е., Васильев А., Вертячих Н., Мурадян Г., Уразбекова А., Федорова В., Чехова О. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 720 с. — (Серия: Интеллектуальная история).
26. *Perini L.* Lucien febvre et la renaissance de jules Michelet // *Revue européenne des sciences sociales.* 1994. Т. 32. № 98. La rationalité reconstruite et les sciences du salmigondis historique. 177 p.
27. *Skinner Q.* A genealogy of the modern state // *Proceedings of the British Academy.* 2009. P. 325–370.
28. *Watson A.* Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. Front Cover. University Press of Virginia, 1974. 106 p.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И СПЕЦИФИКА ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2020 **Равочкин Никита Николаевич**

кандидат философских наук,

доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, доцент кафедры ландшафтной архитектуры Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Кузбасская ГСХА), Россия, Кемерово
доцент кафедры истории, философии и социальных наук

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева

(КузГТУ имени Т. Ф. Горбачева), Россия, Кемерово

E-mail: nickravochkin@mail.ru

В настоящей статье предлагается рассмотреть специфику становления и функционирования государственно-правовых институтов на международном уровне в условиях глобализации. Автор приводит интерпретации института и представляет схему становления рассматриваемых социальных установлений, связанную с внешними и внутренними причинами и имеющую три базисных основания. Логика рассуждений не обходит и сущностные характеристики международных отношений. Показано, какие разновидности государственно-правовых институтов распространены в современном глобализирующемся мире. Помимо этого, в статье освещаются принципы функционирования международных государственно-правовых институтов, влияющих на национальные системы юридических норм.

Ключевые слова: государственно-правовые институты, глобализация, право, государство, политика, общество, международные организации, нормы.

В современных общественных науках существует ряд проблем, связанных с существованием и развитием государственно-правовых институтов на международном уровне в современном глобализирующемся пространстве. Понятие «институт» можно интерпретировать через совокупность наиболее существенных и устойчивых социальных отношений, норм и правил человеческого поведения в определенной сфере человеческой жизни [1, с. 13]. Исходя из такого понимания сущности институтов, можно сделать вывод о том, что они представляют собой разновидность организаций, определяющих «правила игры» для всех субъектов, участвующих в тех или иных общественных отношениях.

Поскольку в названии нашей работы вынесена тематика государственно-правовых институтов, постольку они регламентируют систему отношений внутри властных структур общества. Возникая и формируясь на основании стремлений индивидов к приспособлению к окружающей среде, рассматриваемая разновидность институтов регламентирует деятельность людей в современном обществе в политико-правовой сфере. При этом на данном уровне каждый институт должен эволюционировать и в большей

мере чем иные (ввиду структуры) подстраиваться под актуальные социальные реалии, ведь это способствует эффективному (раз)решению возникающих проблем: «Институты, включающие в себя международные традиции, нормы и правила, международные организации, изменяются под воздействием параметров мирового развития, характер которых в настоящее время отражен в процессах глобализации и регионализации» [2, с. 33].

Мы признаем наличие как внешних, так и внутренних причин развития и трансформации государственно-правовых институтов. Глобализация как один из внешних факторов бытия общества и государства предполагает необходимость институциональных изменений, которые реализуют свой функционал как инструменты глобального регулирования взаимоотношений всевозможных субъектов. Это нормативное измерение начинается от микроуровня как конкретных граждан — участников политических и правовых отношений и заканчивается макроуровнем, на котором происходит регламентация плюрализма отношений между рассматриваемыми структурами самих государств. В рамках такого подхода к сущности государственно-

правовых институтов возникает определенная проблема, состоящая в том, что практические любое установление не просто представляет собой конкретный элемент политической и правовой системы, но «позволяет предоставить и обеспечить принципы дальнейшего взаимодействия сообществ в глобальном мире и коэволюции систем общества и природы» [2, с. 33]. Происходит формирование институтов глобального управления, цель функционирования которых заключается в том, чтобы регулировать глобальные процессы, происходящие в мировом сообществе. С одной стороны, поднятая нами проблема заключается в том, что необходимым оказывается сохранение национальных институтов, поскольку это позволяет выразить интересы и стремления граждан конкретного государства. Вдобавок к этому, реализуется огромное количество взаимодействий на межгосударственном уровне, вследствие чего возникает необходимость нормативного регулирования новых взаимоотношений на международном уровне. Выполнение этой функции возложено на международные институты политической и правовой системы [3]. Здесь также имеет смысл заметить, что еще, к примеру, в концепции Гуго Гроция исследуемые институты могли иметь фактическое существование и исполняли функцию принуждения конкретных государств к ведению конкретных форм политической и правовой активности. Но при этом такие международные институты могли и не существовать. Общеизвестно, что дальнейшая логика развития государственно-правовых институтов реализуется в договорной концепции государства. Это дает нам основание утверждать, что государства могут договариваться между собой и без посредников, которые воплощаются в форме международных организаций.

На современном этапе развития международного сообщества функционализм данных институтов получил существенное развитие. Из этого строим предположение о витальности данных институтов для всей системы международных отношений, поскольку они выполняют не только функцию принуждения к согласованному решению, но и ряд других. При этом спецификой институтов современного глобального общества является тот факт, что «глобальное управление рассматривается преимущественно на межгосударственном и надгосударственном уровнях анализа в контексте процессов глобали-

зации и становления глобального сообщества, в котором формируются соответствующие институты регулирования отношений и управления ими» [2, с. 33].

Следует отметить, что современная система международных отношений является совершенно неоднородной. С авторской точки зрения, причиной этому можно считать конфликт интересов на мировой арене. В результате данное положение дел находит свое практическое выражение в формировании и существовании достаточного большого количества новых структур, сферы компетенций и интересов которых порой могут пересекаться и даже противоречить друг другу. Как следствие такой институциональной дисфункциональности возникают неэффективные координации для субъектов международной политики, от чего страдает демократичность современной системы международного сообщества, а также способность решать новые проблемы.

И. В. Ильин и М. А. Каверин пишут, что «международные организации, которые являются институционализацией норм межгосударственного взаимодействия и отражают стремления преодолеть международную разобщенность, призваны развивать сотрудничество и кооперацию в международной системе, с помощью многосторонних механизмов создавать единое правовое поле принятия решений, в котором реализуется коллективное лидерство, а в перспективе — осуществлять глобальное регулирование и управление» [2, с. 34]. Мы видим, что идеалом, к которому стремится мировое сообщество, является совместное управление всеми процессами, которые протекают в мировой политической системе. Благодаря разумности и способности целых сообществ в виде государств к целеполаганию происходит становление определенных институтов, регламентирующих совместные действия на международной арене. Это позволяет нивелировать «растущую неспособность национальных государств адекватно реагировать на новые вызовы современности» [4, с. 88].

К подобным институтам можно отнести международные межправительственные и неправительственные организации. К первой группе можно отнести те институты, которые учреждены уставом и принципами на основании международных договоров между государствами. Ко второй группе целесообразным будет отнести такие социальные установления, которые в свою

очередь имеют качественно иные основания для своего функционирования. В данном случае имеем в виду получившие повсеместно широкое распространение так называемые «неправительственные транснациональные институты», чьи цели ни в коей мере не связаны с коммерческим эффектом. Специфической чертой функционирования международных государственно-правовых институтов обоих видов является способ осуществляемой ими регламентации, которая фундирована тремя структурными элементами. К таковым относят устав, международную конференцию и секретариат [2].

В частности, устав содержит в себе цели, средства и функции, реализуемые в процессах международных взаимодействий, а также он осуществляет регулирование вопросов касаясь создания специальных органов международного сотрудничества и процедур реализации практик, правил членства и принятия соответствующих решений. Мы видим, что данный нормативный акт содержит в себе вполне определенную систему принципов, обеспечивающих функционирование системы международных институтов, тем самым предполагая установление пределов для создаваемых совокупностей правил, которые в перспективе объективируются посредством кодификации в международном праве [2].

В свою очередь международная конференция в качестве главной своей функции имеет принятие решений по проблемам, которые в той или иной степени волнуют стран-участниц. При этом на данном собрании допускается присутствие негосударственных организаций, которые наделены правом лоббирования принимаемых решений. Такие институты реализуют свои действия благодаря своему консультативному и наблюдательному статусу. Таким образом, в системе международных конференций оформляется предложенная еще в нововременной Европе система сдержек и противовесов. Наконец, секретариат выполняет функции, связанные с решением текущих задач, которые были приняты на международной конференции и стали обязательными для исполнения, причем для всех стран-участниц, получивших такой статус на основании устава [2].

На основании трех рассмотренных выше элементов международного взаимодействия государственно-правовых институтов формируются принципы реализации международного взаимодействия. Так, национальные государ-

ства делегируют свои полномочия конкретным представителям в лице как отдельных субъектов международных политических институтов, так и целых организаций, представляющих их интересы. В результате международные отношения формируются на основании межинституциональных взаимодействий. С течением времени рассматриваемые структуры становятся наднациональными, то есть самостоятельно существующими и неподконтрольными конкретным государствам. Также в процессе развития международных политических организаций и институтов формируется определенная культура, с помощью которой их новые члены адаптируются и интегрируются в уже существующую систему отношений.

Отсюда мы можем сделать вывод, что специфика функционирования современных государственно-правовых институтов осуществляется в двух моментах. Первый из них состоит в том в приобретении институтами статуса глобальных. Новая система складывающихся отношений определяет их принципиально новые формы, которые создаются акторами глобальной политики на всех уровнях действительности. Важно понимать, что становление глобальных отношений на основе международных является не просто пространственным и географическим процессом, но скорее системно-содержательным процессом с соответствующими трансформациями. Второй аспект сущности международных государственно-правовых институтов состоит в том, что они являются самостоятельными субъектами, положение которых закреплено в определенных нормативных правовых актах. Решения, сформированные и принятые в системе этих институтов, являются обязательными для каждого отдельного государства.

Отсюда можно сделать важный вывод о том, что в качестве одной из причин формирования международных политических институтов можно считать стремление каждого национального государства обеспечить международную безопасность, причем как для собственного существования, так и для всего мирового сообщества. Как результат — возникает теоретическая концепция «баланса сил», предполагающая «реализацию государствами лишь ограниченного наращивания своего военно-экономического потенциала, оправданного рациональным стремлением к достижению относительного, а не абсолютного силового превосходства над

остальными» [5, с. 232]. В таком ракурсе международные институты становятся инструментами, которые позволяют регламентировать взаимодействие множества государств на международной арене [6].

Итак, вместе трансформации общественно-правовых международных институтов требуют анализа специфики их функционирования. В.Е. Чиркин отмечает, что в современном глобальном обществе появляется наднациональное право, суть которого заключается в регламентации совместного существования множества государств, входящих в глобальные международные институты (БРИКС, ШОС, ЕС) [7–9]. Формирование наднациональной правовой системы стало возможным во второй половине XX века благодаря целому ряду причин:

1. Экономические — преодоление последствий финансовых кризисов и стремление придать национальным экономикам новый импульс к развитию;

2. Политические — европейские государства оказались вынуждены осуществлять взаимодействие и минимизировать манипуляции со стороны мировых лидеров;

3. Социально-культурные — совокупность национальных и культурных традиций, которые имеет смысл и значение защищать и сохранять [10].

Формирование институтов международного права предполагает, что существуют императивные нормы и принципы, которые являются необходимыми для всех участников конкретных международных политических институтов. Отступление от таких норм и принципов оказывается невозможным, что, однако, позволяет участникам этих отношений формировать и заключать договоры, а также стремиться развивать наиболее важные и базовые институты данного права. В конечном итоге, мы можем утверждать, что многосторонние международные договоры совершенно не препятствуют государствам, участвующим в международных процессах.

Некоторые исследователи указывают на различие между наднациональным и международным правом и их институтами. Наднациональное право природе интернационально, то есть ограничено рамками создавшей его глобальной структуры. Существенное отличие наднациональных правовых институтов от международных состоит в том, что первые устанавливают принципы равноправия государств, в то время

как вторые устанавливают определенную иерархию, в рамках которой доминирующее положение занимают государства, которые создали глобальную структуру [11, с. 162]. Наднациональное и международное право обладают рядом свойств, к которым можно отнести:

1. Возникновение на основании согласования воли участников межгосударственных с последующим развитием правотворческих институтов межгосударственных организаций. В таком ракурсе государственно-правовые институты представляют собой координационные структуры для действий их участников с целью достижения консенсуса по всем вопросам, которые возникают в процессе их взаимодействия на арене международных отношений;

2. Комплексный характер, предполагающий объединение определенных элементов международного права с элементами частного и публичного права конкретных государств [9]. В результате чего происходит интегрирование и взаимовлияние национальных институтов в системе международного права и наоборот;

3. Незавершенность и априорная дисфункциональность, связанные с невозможностью полноценной и всесторонней регламентации деятельности граждан международного сообщества. Самоочевидно, что подобная полноценная регламентация деятельности граждан оказывается возможной исключительно на уровне национальных государств;

4. Международные институты имеют приоритетное основание перед национальными правовыми системами. В конечном счете, интегрирование внутренних институтов стран-участников международных организаций в систему интернационального права предполагает их стремление к сохранению собственных правовых систем и идентичности. Далее следует отметить необходимость подчинения государственных действий общим правилам со-бытия множества государств — участников международных отношений, что требует формирования общеобязательных принципов деятельности, выраженных в соответствующей системе нормативно-правовых актов;

5. Необходимость действий всех государственно-правовых институтов международного права на территории всех его участников. При этом процесс ратификации международных правовых норм, как утверждает В.Е. Чиркин, не является обязательным и не предполагает необ-

ходимость трансформации с учетом национальных правовых систем [7–9];

6. Использование своеобразных способов применения правовых норм, которые дают возможность международным институтам рассматривать различные иски, в том числе и международного характера [8].

В самом деле, глобализация становится существенным элементом, влияющим на развитие современных международных государственно-правовых институтов. С одной стороны, этот многоликий процесс способствует сближению правовых систем национальных государств и обуславливает генезис рассматриваемых структур на международном уровне. Другой аспект глобализации государственно-правовых институтов заключается в возникновении необходимости сохранения конкретными национальными государствами собственной идентичности. Проблема заключается в том, что при формировании межгосударственных правовых систем возникают возможности ратификации соответствующих положений и рельефно прорисовываются потребности конкретных государств исполнять решения, принятые на этом уровне.

Закономерности глобализации приводят к тому, что международное сотрудничество преобразовалось в своеобразный инструмент противоборства и борьбы за мировое господство и доминирование. Именно по этой причине, как показывает Д.А.Подольян, «деятельность международных организаций в большинстве случаев отражает тенденции мировой политики, не учитывая национальную волю конкретных государств» [12, с. 94]. Здесь мы видим, что в качестве основополагающих провозглашаются принципы доминирования универсалий правового бытия государств. Отсюда следует, что среди множества целей, которыми обладает международное правовое регулирование, мы можем обнаружить:

1. Унификация правовых норм, что вынуждает формировать в каждом отдельном государстве однотипную нормативно-правовую систему, регламентирующую деятельность людей;

2. Доминирование международных институтов и организаций в правоприменении, что означает невозможность учета национальных, этнических, культурных, цивилизационных, религиозных и прочих особенностей;

3. Верховенство международных норм перед национальными, что не позволяет кон-

кретным государствам формировать наиболее эффективную законодательную систему, отвечающую национальным интересам конкретного государства.

В результате все вышеописанное может привести к «размытию» национальных интересов государства, снижению уровня правосознания и вследствие этого неэффективности правоприменительных практик [13]. Таким образом, итогом может стать подрыв национального правопорядка и угрозам национальному суверенитету. Для того чтобы сохранить конституционные устои государства и суверенитет, а также дизайн институционального порядка властным акторам необходимо регулярно пересматривать «конституционную идентичность». Под последним термином принято понимать «совокупность национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства, выражающихся в его конституционных нормах о фундаментальных правах и основах конституционного строя» [12, с. 94]. Здесь мы видим, что такое дефинирование понятия задает императивы для анализа соотношения двух противоборствующих систем права — наднациональной и национальной. С одной стороны, существующие нормы права, используемые на международной арене, как мы показывали выше, должны помочь найти общие точки соприкосновения в диалоге между государствами, образующих международные государственно-правовые институты. С другой стороны, для мирового сообщества приобретает значение практическое воплощение принципов взаимного уважения, равноправия и терпимости к представителям иных государств, что и предопределяет специфику функционирования институтов.

Именно на основании выделенных проблем сформулирован принцип, согласно которому каждое государство на своем конституциональном уровне должно соответствовать основным положениям исследуемых институтов и обосновывать положения национальной системы принципами международными права. Одновременно с этим в рамках международных и надгосударственных государственно-правовых институтов можно заметить отсутствие мер и принципов, принуждающих формировать нормативно-правовые акты национальных государств в конкретной формулировке.

Исходя из этого, спецификой функционирования международных и наднациональных

государственно-правовых институтов, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах и ряда других, становится их формирование на основе когнитивного подхода и инструментального предназначения. При этом они оформляются через консенсус, который достигается путем всестороннего обсуждения государствами с учетом их интересов, возможностей и особенностей. В конечном итоге, такой прагматический подход позволяет сохранить и на нормативном уровне закрепить базовые ценности человеческих прав и человеческого досто-

инства в законодательной базе каждого государства [7].

Если подводить итоги, то можно сказать, что современные международные государственно-правовые институты в ходе своего функционирования дают возможность сдерживать последствия влияния процессов глобализации. С одной стороны функционирование институтов позволяет достигнуть консенсуса и коллективного решения по всем важным вопросам, с другой — позволяет отстаивать национальную, идентичность и независимость каждого государства в отдельности, что открывает широкие возможности достижения безопасности не только на национальном, но и на общемировом уровне.

Библиографический список

1. Мальгин В.А., Каменских Л.Р. Трансформация институтов в современных условиях // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3. С. 12–17.
2. Ильин И.В., Каверин М.А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 32–38.
3. Фролов В.Е. Роль международных политических институтов в интеграционных процессах евразийского региона // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 41–45.
4. Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. 2009. № 3 (7 Политология — 10 История). С. 87–95.
5. Борисов Д.А., Ивонина О.И. Современные оценки роли международных институтов в обеспечении коллективной безопасности // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 231–240.
6. Гуринович Д.Ф. Концепт понятия «трансрегиональный политический институт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 145–153.
7. Чиркин В.Е. Глобализация и базовые изменения современных конституций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1 (56). С. 137–141.
8. Чиркин В.Е. Наднациональное право: возникновение, содержание, действие // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 18–25.
9. Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2 (242). С. 131–137.
10. Дорская А.А., Дорский А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 105–110.
11. Федосенко В.А. О явлении наднационального права и правотворчества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (41). С. 162–168.
12. Подолян Д.А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.
13. Каракулян Э.А. Международная безопасность в контексте современных тенденций в праве международного сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 122–129.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ

© 2020 **Ревина С. Н.**

доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: 29.revina@mail.ru

© 2020 **Казарян А. Г.**

аспирант 3 курса
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: hak-kazaryan@mail.ru

Процесс развития современного государства характеризуется введением новейших информационных технологий, значительным ускорением процесса получения, обработки, анализа информации. Правоотношения в сфере доступа к публичной информации непосредственно связаны с реализацией конституционных положений относительно соблюдения и надлежащей реализации прав и свобод человека и гражданина. Обеспечение информационных прав связано с общими проблемами реформирования государственного аппарата и важности адаптации информационного законодательства для создания современных форм государственного администрирования информационных отношений.

Обеспечение информационных прав, в том числе и с помощью административно-правовых средств, является одной из тем, которая часто становится предметом особого внимания отечественных ученых-юристов. В исследованиях этих ученых освещались вопросы, связанные, в частности, с определением административно-правового статуса лица, механизмом обеспечения прав и свобод человека и гражданина, деятельностью органов государственной власти в этой сфере.

В то же время специальные научные исследования по публично-правовому обеспечению информационных прав подтверждают необходимость глубокого исследования механизма административно-правового обеспечения органами государственной власти права на свободный доступ к публичной информации и свидетельствуют об актуальности выбранной темы.

Ключевые слова: информационные права, право на информацию, правовое регулирование, публично-правовое обеспечение, субъективные права, информационное общество, информационные технологии, информационные отношения, информационно-инфраструктурные отношения, общественные отношения.

Правовая природа информационной сферы, информационной инфраструктуры, реализации общественных отношений, связанных с информацией, позволяет сделать предположение о том, что в информационной сфере существуют две особые группы общественных отношений, регулируемых нормами информационного права. К первой группе, несомненно, относятся те отношения, которые уже получили название информационных отношений, то есть отношений, связанных с оборотом информации — ее созданием, распространением, использованием, хранением и уничтожением. А вторую группу образуют общественные отношения, в которых участвуют элементы информационной инфраструктуры и правовое регулирование которых имеет особенности именно благодаря тому, что они участвуют в обеспечении оборота информации [1]. Предва-

рительно назовем эти общественные отношения — информационно-инфраструктурными отношениями.

Проблема правоотношений относится к наиболее важным и дискуссионным как в общей теории права [2], так и в теории отдельных отраслей права.

На наш взгляд наиболее рациональная классификация информационных прав была сделана С.Ф.Кечекьяном еще в 1958 году, который выделяет следующие группы вопросов в проблематике правоотношений: содержание правоотношений и их взаимосвязь с нормами права, субъективное право и правовая обязанность в правоотношениях, субъекты права в правоотношениях, объект права в правоотношениях и условия возникновения, изменения и прекращения правоотношений [3].

Но все же следует согласиться с Е.З. Бекбаевым в том, что в настоящее время в юридической науке все ученые признают наличие так называемых конкретных или реальных правоотношений между определенными субъектами правовой сферы, которые в силу наступления определенных юридических фактов являются обладателями корреспондирующих друг к другу субъективных прав и юридических обязанностей [4].

Современные авторы, к сожалению, не придают должного значения описанию взаимосвязи правоотношений собственно с правом. Так М.И. Абдулаев [5] никоим образом не охарактеризовал природу субъективных прав и обязанностей сторон, тем самым оставив за чертой исследования взаимосвязь с правом.

Также на самых ранних стадиях изучения проблемы правового регулирования общественных отношений в информационной сфере отрицалось существование самостоятельных информационных прав [6]. Эту точку зрения некоторые авторы поддерживают и сегодня считая, что юридическая природа информационного правоотношения определяется юридической природой тех отраслевых правоотношений, в рамках которых оно существует [7].

С целью исследования правового регулирования общественных отношений, связанных с информацией, В.А. Копылов предложил под информационными правоотношениями понимать урегулированные информационно-правовой нормой информационные общественные отношения, стороны которого выступают как носители взаимных прав и обязанностей, установленных и гарантированных информационно-правовой нормой [8]. При этом В.А. Копылов в перечень информационных общественных отношений включает отношения, которые возникают, развиваются и прекращаются в информационной сфере при обороте информации.

Несколько конкретнее, но недостаточно полно С.Е. Чаннов определяет информационные правоотношения, как общественные отношения, возникающие в информационной сфере по поводу создания, преобразования, хранения, передачи, распространения и потребления информации [9].

Возникает довольно много вопросов, требующих или уточнения, или объяснения. Например, что такое ресурсы информации? Информация — это то, по поводу чего возникают

общественные отношения или информация является объектом этих отношений? Таким образом, данное исследование использует дефиницию «информационные права», формируя заведомо субъектно направленную систему информационных правоотношений.

В таком подходе достаточно мало трактовок понятия «информационных прав» и они достаточно широки. Так, авторы сводят информационные права только к социальным отношениям по поводу создания, владения и пользования информацией, происходящих в информационной сфере, и урегулированные информационно-правовыми нормами [10].

А.А. Федоров утверждает, что информационные права — это отношения, которые урегулированы нормами информационного права, возникающие в процессе оборота информации и устанавливаются для субъектов взаимные права и обязанности [11].

Интересные результаты проведенных исследований в других отраслях права, связанных с изучением специфики информационных прав. Так, Д.Е. Иванов считает, что информационные права можно определить как урегулированные нормами права общественные отношения по делам об административных правонарушениях в связи с созданием, сбором, обработкой, накоплением, хранением, поиском, получением, распространением и потреблением информации в государстве и обществе, а также процессы создания и применения информационных систем, информационных технологий и средств их обеспечения, средств и механизмов информационной безопасности [12]. В этом определении автор не упоминает о субъективных юридических правах и обязанностях, но можно предположить, что упомянутые им нормы права уже содержат их. Кроме того, здесь сделана попытка ввести множество информационных правоотношений и отношения в информационную инфраструктуру, хотя далеко не в полном их объеме.

Ряд авторов для более строгого описания модели информационной сферы вводят понятие смешанных информационных прав субъектов: информационно-гражданские, информационно-административные, конституционно-информационные и тому подобное. Тем самым делается попытка правильно отразить тот факт, что в реальной действительности практически все виды общественных отношений сопровождаются информационными.

Наиболее системно этот подход сформули-

рован Ю. В. Волков [13]. По нашему мнению, указанный выше подход целесообразно взять за основу при исследовании общественных отношений, возникающих в интегративной информационной публичной сфере. Она предлагает общественные отношения в информационной сфере рассматривать как системное образование, состоящее из двух подсистем: «смешанных» и «чистых» информационных общественных отношений. В свою очередь в первую подсистему входят:

а) информационно-управленческие, информационно-имущественные, информационно-банковские, информационно-трудовые и другие отношения;

б) управленческо-информационные, имущественно-информационные, банковско-информационные, трудо-информационные и другие отношения.

В первой группе информационные отношения являются основными, а все остальные (управленческие, имущественные, банковские, трудовые и т.д.) — обеспечивают другие, или являются сопутствующими, а во второй группе — наоборот, информационные отношения обеспечивают другие, или сопутствуют [14]. Предложенная модель общественных отношений, возникающих в информационной сфере, системная и наглядная, позволяет объяснить все особенности информационных процессов наряду с существованием других процессов в социуме в рамках рассмотрения субъективных прав доступа к публичной информации различного рода.

Далее автор предлагает отнести к информационной сфере только «чистые» информационные отношения и общественные отношения первой группы первой подсистемы: информационно-управленческие, информационно-имущественные, информационно-банковские, информационно-трудовые и тому подобное.

Однако такой подход содержит очень серьезную методологическую проблему. Если допустить, что информационное право — это право, которое распространяется только на общественные отношения в информационной сфере, то это приводит к выводу о существовании еще какого-то права, нормы которого используются для регулирования информационных отношений во второй группе первой подсистемы общественных отношений: управленческо-информационных, имущественно-информационных,

банковско-информационных, трудо-информационных и др.

Обобщение определений информационно-правовых отношений сделано Л. П. Коваленко, которая определяет их как общественные отношения, регулируемые нормами права и те, которые возникают, развиваются и прекращают свое действие в информационном пространстве между субъектами права, которые наделены информационными правами и обязанностями [15]. Автор при этом опирается на заимствованное определение информационного пространства как информационных процессов и отношений.

Анализ содержания информационных процессов, научной литературы и многочисленных дефиниций, данных разными авторами, позволяет сформулировать характерные особенности информационных прав, показанные на рис. 1.

Выводы: В целом в информационном праве в результате использования наработанных подходов в общей правовой науке существует практически общее понимание природы и содержания правоотношений в информационной сфере. Но только в части общественных отношений, объектом которых является доступ к публичной информации в процессе ее оборота (создание, распространение, использование, хранение и уничтожение). Информационно-инфраструктурные отношения, то есть общественные отношения, связанные с обеспечением оборота публичной информации, во многих исследователей выпадают из поля зрения. Однако понимание того, что целый пласт общественных отношений, имеющих место в информационной сфере, не охватывается классическими определениями информационных прав, обуславливает необходимость теоретических попыток восполнить этот пробел. Используя выявленные особенности, дадим определение термина **«информационные права»** — это информационные и информационно-инфраструктурные общественные отношения, регулируемые нормами информационного права и отражающие права, возникающие в процессе оборота информации, то есть в процессе ее создания, распространения (передачи), хранения, использования и уничтожения (утилизации), а также в процессе обеспечения оборота информации между субъектами, которые имеют субъективные права и юридические обязанности, реализуемые методами правового регулирования частного и публичного права.

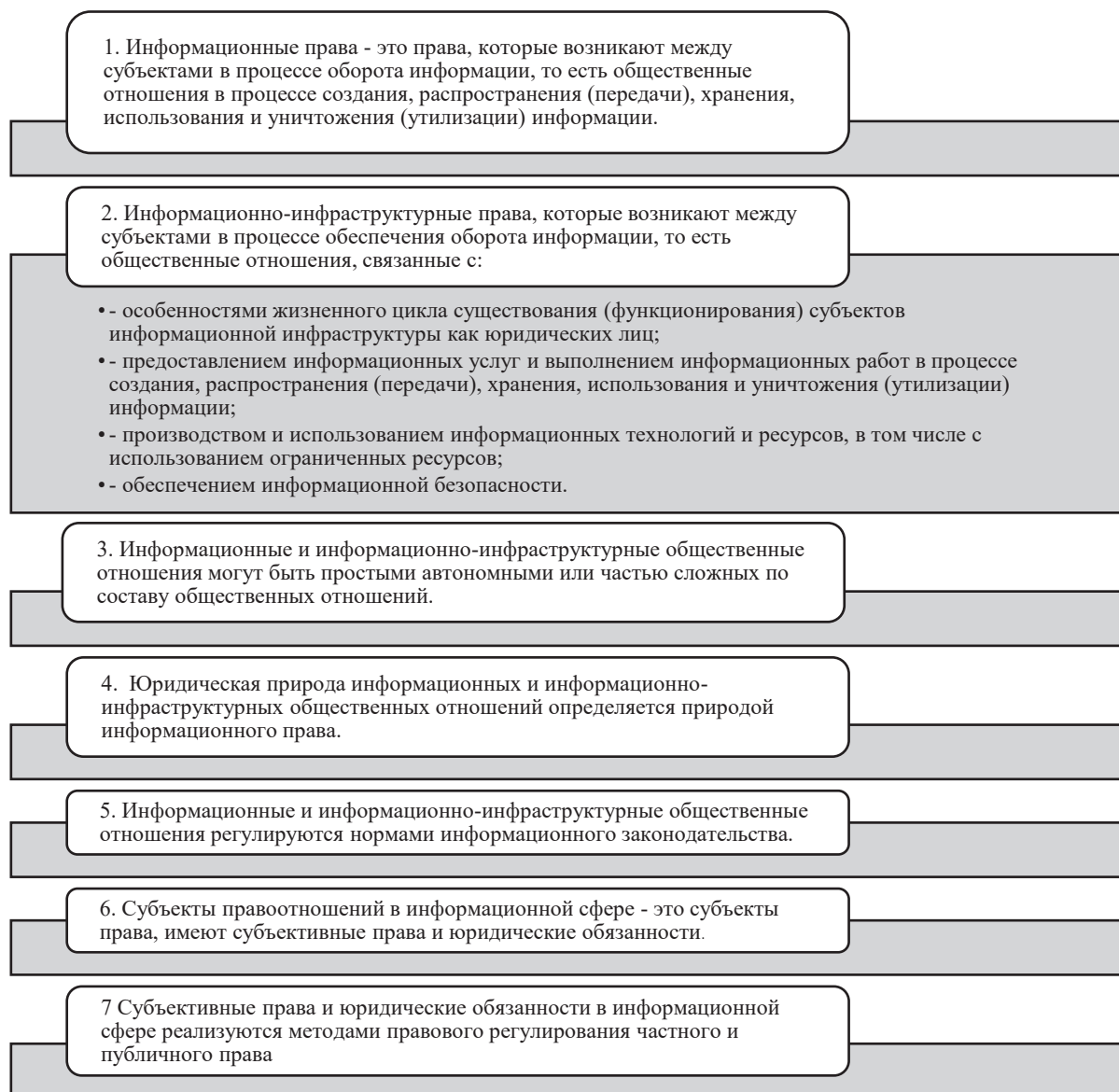


Рис. 1. Характерные особенности информационных прав

Библиографический список

1. *Revina S.N., Sidorova A. V., Zakharov A. L., Tselniker G. F., Kurushin S. A.* Dissemination issues of legal information: the past and the present. Contributions to Economics. 2017. № 6/н. С. 161–167.
2. *Поляков А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. / А. В. Поляков. — СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. — С. 726.
3. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе [Электронный ресурс] / С. Ф. Кечекьян. — М., 1958. — 188 с. — Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z622_page_28.html
4. *Бекбаев Е. З.* Проблема начала в теоретическом познании правовой системы (попытка обоснования) [Электронный ресурс] / Е. З. Бекбаев. — Астана, 2008. — 296 с. — Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum7129/print7135.html>
5. *Абдулаев М. И.* Теория государства и права. 3-е изд., дополн. / М. И. Абдулаев. — М.: Финансовый контроль, 2014. — 410 с.
6. *Брагинский М. И.* Правовое регулирование информационных отношений в условиях АСУ / М. И. Брагинский // Советское государство и право. — 1976. — № 1. — С. 38–46.

7. Янина Е. В. Гражданско-правовое регулирование информационной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.14 / Е. В. Янина. — М., 2004. — 166 с.
8. Копылов В. А. Информационное право / В. А. Копылов. — М.: Юристъ, 2002. — 512 с.
9. Чаннов С. Е. Информационное право как комплексная отрасль российского права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tarasei.narod.ru/read/st2003.8.htm>
10. Боев В. М. Информационное право: учеб. пособие. Ч. 1 / В. М. Боев, О. Г. Павельева. — СПб.: ГУАП, 2006. — 116 с.
11. Федоров А. А. Информационное право как отрасль системы права // Актуальные вопросы информационной деятельности в системе государственного управления. — Донской государственный технический университет, факультет «Юридический». — 2019. — С. 515–518.
12. Иванов Д. Е. Информационные правоотношения в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.14 адм. право, финансовое право, информ. право. / Д. Е. Иванов. — М.: Моск. ун-т МВД России, 2005. — 27 с.
13. Волков Ю. В. Базовые субъекты информационного права // Законодательство. — 2019. — № 9. — С. 47–54.
14. Чубукова С. Г. Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. — 2019. — № 3. — С. 17–27.
15. Коваленко Л. П. Понятие, основные черты и особенности правовых отношений в информационном праве [Электронный ресурс] / Л. П. Коваленко — Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2013/uri57.html>
16. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
17. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации»
18. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 N 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года»

УДК 342
ББК 67.400

DOI: 10.14451/2.146.29

«MY VOICE (STUDY)» КАК ПРОГРАММА ДЛЯ ЭВМ — ОНЛАЙН СИМУЛЯТОР ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ: РАЗВИТИЕ НТИ И GAMENET

© 2020 **Шушпанов Михаил Константинович**

студент 3 курса

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

© 2020 **Макаров Андрей Павлович**

студент 3 курса

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

© 2020 **Саражинский Никита Сергеевич**

студент 3 курса

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

© 2020 **Коновалов Николай Николаевич**

доцент кафедры прикладного права, кандидат юридических наук, доцент

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

© 2020 **Забайкалов Андрей Павлович**

доцент кафедры прикладного права, кандидат юридических наук, доцент

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

© 2020 **Шукина Татьяна Владимировна**

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой прикладного права

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, Москва

Предметом настоящей статьи выступает исследование новых направлений Национальной технологической Инициативы; рассмотрение правового регулирования проблем современной избирательной системы, внедрения электронного голосования. Тема статьи отражает вопросы разработки образовательных продуктов, полученных в процессе проведения междисциплинарных гуманитарных и технических исследований с точки зрения формирования инновационной цифровой инфраструктуры российских университетов. Целью настоящей статьи является представление программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)» в формате онлайн симулятора электронного голосования на выборах. Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, методы Web-разработки (frontend и backend). Результаты работы — это формулирование особенностей и значения прикладных образовательных электронных технологий для правового просвещения. Область применения результатов работы включает в себя систему публичного управления и образования.

Ключевые слова: избирательная система, национальная технологическая инициатива, электронное голосование, онлайн симулятор

Впервые о Национальной технологической инициативе и роли научно-технологического развития Российской Федерации было указано в Послании Президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 года. Основой правового регулирования государственной поддержки НТР является федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». Приоритетной целью НТР выступает создание условий по присут-

ствию Российской Федерации в числе 5 ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации (Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года). Государственная поддержка научно-технологического развития Российской Федерации осуществляется на основании Стратегии научно-технологического развития

Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. Научно-технологическое развитие предполагает реализацию приоритетных направлений развития науки, техники и технологий государственной научно-технической политики, которые позволяют получить результаты и сформировать компетенции, отвечающим на большие вызовы.

В ближайшие 10–15 лет приоритетами НТР следует считать направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты; создать технологии, являющиеся основой инновационного развития для внутреннего рынка продуктов и услуг. Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» была утверждена соответствующая государственная программа. Программа является одним из основных механизмов реализации Стратегии НТР и Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года.

Одним из направлений Национальной технологической инициативы в настоящее время является GameNet. Это образовательная инициатива, в рамках которой можно как создать проект с нуля, так и продолжить развивать существующий, сделав из него конкурентный рыночный продукт. В данной статье речь пойдет о разработке подобных образовательных продуктов на базе университетских проектных лабораторий (Междисциплинарная проектная лаборатория института экономики и права РТУ МИРЭА «Интеграция и экспорт высшего образования»). По мнению, Бельски Л. «Глобальная задача всех государств — повышение доступности высшего образования во всем мире и университеты могут стать эпицентром реформ образования. С помощью технологий они могут объединять усилия и создать общую обучающую экосистему, а также дополнить свои собственные программы лучшими курсами от других учебных заведений» [1]. Мировой опыт показывает, что университеты играют разнообразную и зачастую ключевую роль в инновационной национальной системе, а также в создании и развитии человеческого потенциала, НИОКР и развитии инноваций [2].

Представленный междисциплинарный проект направлен на формирование цифровой модели накопления навыков голосования у

молодых избирателей. Избирательная система Российской Федерации на современном этапе развития характеризуется значительной динамичностью. Практически каждая крупная избирательная компания проходит по принципиально новым нормам. Одной из основных причин данного явления служит недостаточный уровень необходимых знаний и правовой культуры части населения. Для решения указанных проблем необходимо опираться как на теоретические разработки в различных областях науки (право, социология, политология, история и т.д.), так на применение новых цифровых технологий в электоральной сфере [3].

Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» установил правовые основы проведения дистанционных способов выяснения волеизъявления граждан. В соответствии с данным правовым актом дистанционное электронное голосование является одним из важных и соответствующих «духу времени» способом решения теоретических и практических проблем, связанным с институтом прямой демократии.

Отказ от необходимости явки избирателя на избирательный участок и предоставление возможности голосования при помощи сети Интернет давно обсуждалось как среди участников электорального процесса, так и среди экспертного сообщества. Однако общей позиции так и не сложилось. Существует и определенная мировая практика в данной сфере, но она также противоречива [3].

Авторы статьи представляют, в данной связи, программу для ЭВМ «My Voice (STUDY)» в формате онлайн симулятора электронного голосования на выборах. Данная программа выступает как один из стартапов реализации нового направления НТИ — GameNet. Описание правовых норм о процедуре электронного голосования в российской избирательной системе в цифровую форму позволило создать актуальный и интересный междисциплинарный образовательный продукт, а именно, программу для ЭВМ под названием «My Voice (STUDY)». Эта прикладная образовательная электронная технология предназначена для правового просвещения студентов и школьников в области избирательного права. Имитатор электронного голосования «My Voice (STUDY)» создан для того, чтобы молодежь по-

нимала структуру и правила процедуры голосования на выборах в органы власти любого уровня. Платформа электронного голосования разработана в качестве модели для формирования нового опыта голосования у избирателя. Электронный симулятор голосования доступен для широкого тестирования.

Целью создания программы-симулятора явилось необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс обучающей платформы для дистанционного голосования со стороны несовершеннолетних граждан. Задачами разработки выступили: а) формирование навыков избирательных прав для молодых людей возрастом от 16 до 18 лет, б) прогнозное увеличение избирательной активности молодежи, в) воспитание патриотического духа среди граждан, не достигших возраста 18 лет, д) продвижение междисциплинарных проектов в области гуманитарных наук и программирования.

Описание программы: «My Voice (STUDY)» уникальное в своем роде цифровое устройство, созданное специально для потенциальных молодых избирателей. Как показывает статистика из СМИ, к сожалению, явка на избирательные участки среди молодежи далеко не максимальная. Это вызвано рядом причин: нежеланием тратить свое личное время в очереди на получение бюллетеня, недоверие к избирательным комиссиям, отсутствие должного уровня патриотического настроения, условия пандемии. Все это обусловило создание альтернативного решения данной проблемы в цифровом формате.

Соавторы данной статьи: Шушпанов Михаил Константинович, Макаров Андрей Павлович, Саражинский Никита Сергеевич являются авторами программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)». Благодаря «My Voice (STUDY)» можно стать участником обучающего голосования, фактически не выходя из дома. Просветительская миссия данного онлайн симулятора заключается в определенной борьбе человека со временем, и чем больше рутинных функций мы перекладываем на цифровое обеспечение, тем больше высвобождается времени для творческой деятельности, для создания абсолютно новых и комфортных вещей. Это касается и данной программы, она, например, может быстрее подсчитывать голоса граждан, и тем самым способна упростить работу избирательных комиссий любого уровня.

Представляем описание программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)». Оно выражается в ее блок-схеме, представленной на рисунке 1 и части уникального кода. Часть уникального кода программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)»:

```
<div class=»fon»>
<form>
<div class=»hed»>
<a>Избирательный бюллетень</a>
</div>
<table class=»stroka»>
<tr>
<td>
<nav class=»vib-menu»>...
```

Текстовое описание блок-схемы программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)», соответственно

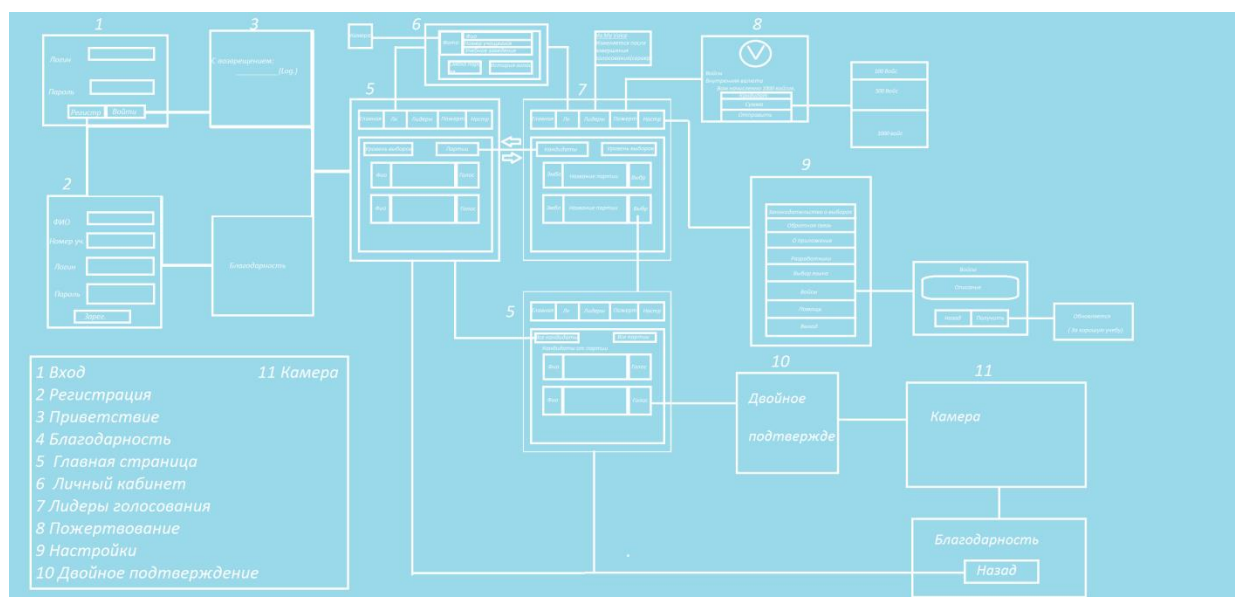


Рис. 1. Блок-схема программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)»

разделы программы:

1) Вход — достаточно привычная для всех форма, где первая страница, как и во многих электронных устройствах, является страница ввода уже зарегистрированных данных.

2) Регистрация — для первичного входа в «My Voice (STUDY)» необходимо обязательно зарегистрироваться; это необходимо для полной ликвидации возможности повторного голосования или накрутки голосов.

3–4) «Приветствие» и «Благодарность» — элементарная благодарность за проявленное терпение в период ввода личных данных для входа.

5) Главная страница — бюллетень, где каждый гражданин может просмотреть кандидатов и выбрать ту кандидатуру, которой наиболее доверяет. Особенность содержания данного раздела программы заключается в наличии целых трех «Главных страниц». Первая из них — общий список кандидатов. Вторая — «Списки партий», где при выборе определенной партии открывается список кандидатов от данной фракции. Третья страница приурочена к локальным выборам в школе или университете (старосты группы или президента класса).

6) Личный кабинет — это страница хранения данных введенных при регистрации. Здесь необходимо введения учета голосов, замена пароля и проверки отданного голоса (был ли отдан за нужного кандидата) и реализуется этот этап голосования соответственно при нажатии кнопок: «Заменить пароль» и «Список ID».

7) Лидеры голосования — страница заключительного результата голосования (до завершения выборов является не кликабельной).

8) Пожертвование — самая интересная часть обучающего устройства, благодаря этому разделу наглядно представляется, как легально можно финансово поддерживать кандидатов. Авторами программы задумана идея внутренней валюты «Войсики». Она абсолютно ничем не поддерживается и является учебной. Получить ее можно за хорошую успеваемость в учебе, а в дальнейшем за ее применение можно получить

награду (например, в виде стикеров социальной сети ВК).

9) Настройки — необходимы для регулирования устройства. Данный раздел имеет также страницы: «Законодательство о выборах для изучения своих прав», «Обратная связь для мониторинга недочетов устройства», «Войсики для запроса новых виртуальных денег», «Выход», в случае если гражданин сидит не со своего устройства, и многое другое.

10) Двойное подтверждение — это ликвидация возможности «случайного голосования» методом создания страницы для подтверждения своего голоса.

Обобщим особенности программы для ЭВМ «My Voice (STUDY)»: в ней применяется камера для подтверждения голоса; имеются наличие внутренней валюты для избирателей, а также список ID для проверки своего голоса.

Апробация работы программы была произведена в процессе выборов старост 3 курса юридического факультета. В эксперименте участвовало 212 человек, которые с помощью «My Voice» смогли проголосовать за представленных кандидатов. Полученные результаты голосования полностью совпадали с результатами последующей (добровольной) выборочной проверки итогов выборов.

Подводя итог, можно отметить, что применение цифровых технологий в процессе голосования является реальность современного избирательного процесса, а также перспективным направлением его совершенствования. Отдельно следует отметить, что одной из ключевых проблем применения цифровых технологий в процессе голосования является уровень доверия к ним. Причем речь идет не только о доверии со стороны избирателей, но и доверии со стороны иных участников избирательного процесса. В этом случае новые технологии будут рассматриваться как механизм совершенствования и становление такого доверия находится вне правового поля.

Библиографический список

1. *Belsky, L.* (2019), «How technology will change higher education», available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/12/11/818499-tehnologii-izmenyat> (accessed 11 December 2019)
2. *Kolomytseva, O., Pavlovska, A.* (2020), «The role of Universities in the National Innovation System», *Baltic Journal of Economic Studies*, Vol. 6, No. 1, pp. 51–58.

3. *Забайкалов А.П.* Применение цифровых технологий в процессе голосования // Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 36–40.

УДК 342.5
ББК 67.400.6

DOI: 10.14451/2.146.34

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© 2020 **Щукина Татьяна Владимировна**

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва
E-mail: shukina-tv@mail.ru

Предметом настоящей статьи выступает исследование новых форм и методов реализации государственного управления в социально-экономической сфере, включая рассмотрение современного правового регулирования. Тема статьи отражает вопросы трансформации форм и методов государственного управления в социально-экономической сфере с точки зрения формирования инновационной инфраструктуры стратегического развития в Российской Федерации. Целью настоящей статьи являются выявление новой системы форм и методов государственного управления в социально-экономической сфере на современном этапе управления, места и роли государства в этом процессе. Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы. Результаты работы — это формулирование особенностей методов и форм управления в социально-экономической сфере. Область применения результатов работы включает в себя систему публичного управления.

Ключевые слова: государственное управление в социально-экономической сфере, формы и методы управления.

Государственное управление неразрывно связано с формированием и развитием правового института права собственности, а также с изменением сущности объектов государственного управления. Без рассмотрения данного аспекта государственного управления со стороны государства невозможно определить основные тенденции модернизации форм и методов государственного управляющего воздействия. Отсутствие права частной собственности в советском государстве определяло специфику структуры, компетенции и видов органов исполнительной власти в сфере управления народным хозяйством.

В структуре органа государственного управления выделялись отраслевые отделы (управления), которые предназначались для руководства конкретной отраслью хозяйственного или культурного строительства как непосредственно, так и через подразделения аппарата Совета народных депутатов (законодательный орган), а также подведомственными предприятиями, учреждениями и организациями [1]. В советский период отраслевой аппарат управления местного органа государственной власти охватывал следующие отрасли управления [2]: местной промышленностью, сельским, водным и лесным хозяйством,

капитальным строительством, газовым хозяйством, профессионально-техническим образованием, культурой, промышленностью продовольственных товаров, коммунальным хозяйством, бытовым обслуживанием, строительством и ремонтом автомобильных дорог, аптечным хозяйством, здравоохранением, народным образованием, социальным обеспечением, строительством и архитектурой.

В зависимости от особенностей экономических связей в регионе существовали местные органы государственного управления и их структурные подразделения в таких сферах управления, как [3]: автомобильного транспорта, промышленности строительных материалов и строительных деталей, общественного питания, высотных домов и гостиниц, городского оформления и рекламы, лесопаркового хозяйства, металлообрабатывающей промышленности и метрополитена. Помимо вышеуказанных местных органов государственного управления и их структурных подразделений осуществляли деятельность на краевом и областном уровнях организации, как БТИ, государственный арбитраж, ремонтно-строительные конторы.

В свою очередь, система местных органов государственного управления (области, края,

города, сельского поселения) в целом включала в себя [4] исполнительные органы местных Советов, органы центра на местах; администрации предприятий и социально-культурных учреждений, деятельность которых была связана с обслуживанием населения, а также с осуществлением на соответствующих территориях функций инструктивно-методического, планово-регулирующего или контрольного характера.

Из вышеуказанной структуры системы местных органов государственного управления усматривается сочетание непосредственного наличия органов, осуществляющих публичное управление, и организаций, не обладающих целенаправленными государственными полномочиями по управлению территорией. И в тоже время, предприятий и учреждений, наделенных хозяйственными и социально-культурными функциями, носящими частично публичный характер. В современном понимании — публичными юридическими лицами, реализующими публичный интерес в хозяйственной (предпринимательской) и социально-культурной сфере территории (региона). Кроме того, данная система предполагала и видовое разнообразие местных органов государственного управления. Относительно компетенции местных органов государственного управления необходимо отметить, что она носила в большей степени отраслевой характер, соответствующий имеющимся принципам и правилам правового регулирования.

Проанализировав направления и виды сфер, отраслей государственного управления, регулирование которых охватывалось органами государственной власти, следует отметить, что компетенция органов управления в то время была очень широкой и разнообразной. Как собственно и наименования структурных подразделений органов государственного управления.

В настоящее время происходит расширение форм и методологии государственного управления. Это обусловлено структурными и содержательными изменениями объектов государственного управления. Укрепление позиций права собственности и его абсолютная правовая защита обеспечили формирование новой системы и структуры органов исполнительной власти, а также новые форматы их взаимодействия с подчиненными организациями и организациями негосударственного сектора. «Методология

административно-правового регулирования пополняется за счет имплементации в нормативные правовые акты экономических, политологических методов, методов логистики. Кроме того, для административно-правового регулирования стало присуще более широкое использование принципов и методов частного-правового регулирования (автономность воли сторон, свобода заключения договора и т.п.), что определяет специфику статуса частного-публичного субъекта управления, создание новых форм и видов публичного управления» [5].

Большое значение придается в настоящее время методу проектного управления в системе публичного управления. По мнению ученых, «управление проектами в органах государственной власти отличается от управления проектами в предпринимательской деятельности. Оно носит жесткий правовой характер, подотчетно вышестоящим органам исполнительной власти, финансируется за счет бюджетных ресурсов; подлежит общественному контролю и публичной отчетности. И относительно содержания самих проектов, то они масштабны, многогранны, направлены на достижение социального эффекта прежде, чем будет получена выгода от привлечения в него инвестиций. Цели государственных проектов амбициозны и носят долгосрочный характер» [6].

Формы и методы административно-правового регулирования стали неразрывно связаны с проводимой государственной политикой. Коснемся статьи 114 пункта «в» Конституции Российской Федерации, где предусматриваются социально ориентированные полномочия Правительства Российской Федерации, заключающиеся в обеспечении проведения в Российской Федерации единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды. Обеспечение единой государственной политики осуществляется при помощи обновленных методов и форм административно-правового регулирования. Это связано со следующими факторами:

а) объединение усилий органов государственной власти и негосударственного сектора по реализации партнерского воздействия государства на социально значимые общественные отношения, как на федеральном уровне, так и на

уровне субъектов Российской Федерации;

б) расширение круга правовых отношений, охватываемых полномочиями Правительства Российской Федерации, характеризующегося высокой общественной значимостью для государства.

Понятие государственной политики в юридической литературе неоднозначно и трактуется учеными по-разному. Например, в судебной практике государственная социальная политика определяется, исходя из статуса Российской Федерации как социального государства и соответствующих положений Конституции РФ. «Российская Федерация — это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7 Конституции Российской Федерации)».

Подобное видение государственной политики представлено в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 года, поэтому выработка государственной политики Правительством РФ основывается на федеральных законодательных актах и нормативных правовых актах Президента РФ стратегического характера. Кроме того, является ключевым направлением деятельности Правительства Российской Федерации в социальной сфере.

Необходимо отметить некоторые особенности правового регулирования современной государственной политики. Основы правового регулирования государственной политики базируются на положениях федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и стратегических указов Президента Российской Федерации. Согласно данному федеральному закону подобное планирование осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований. Закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской

Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Указы Президента Российской Федерации, содержащие поручения по реализации целей и мероприятий социальной политики, носят организационно-исполнительский характер и содержат поручения, которые Правительство Российской Федерации должно выполнить в порядке своей исполнительно-административной, управленческой деятельности (решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2018 г. № АКПИ18–4). К таким указам относятся:

- указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;
- указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Во исполнение указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» разработан Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Инструментами реализации ОНДП являются государственные программы Российской Федерации, наиболее значительные направления, реализации которых выделены в национальные проекты (программы). ОНДП определяют систему приоритетов и целевых ориентиров деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочную перспективу, устанавливают механизмы обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России в соответствии с компетенцией Правительства Российской Федерации.

В свою очередь, государственные программы и национальные проекты (программы) представляют собой комплексы мероприятий по достижению целевых показателей, структу-

рированные по этапам, срокам и ответственным исполнителям. Принципы разработки и реализации государственных программ были закреплены и в распоряжении Правительства Российской Федерации № 1101-р от 30 июня 2010 года, и в Методических указаниях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации. Под государственной программой понимается документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Государственные программы представляют собой определенную систему.

«При этом система управления национальными проектами (программами) отвечает принципам проектного управления: в национальных проектах (программах) обозначены конкретные механизмы и инструменты достижения целевых показателей, объемы и источники их финансирования. Согласно Порядку разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 государственная программа включает в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие, в том числе, ведомственные целевые программы и основные мероприятия органов государственной власти. Подпрограммы направлены на достижение целей и решение задач в рамках государственной программы. Перечень государственных программ утверждается Правительством Российской Федерации» [7].

«Ведомственная целевая программа — это нормативный правовой акт, направленный на осуществление федеральными органами исполнительной власти, иными федеральными государственными органами и организациями, являющимися главными распорядителями бюджетных средств:

- государственной политики в установленных сферах деятельности;
- на обеспечение целей государственных программ РФ;
- на решение конкретной задачи подпро-

граммы государственной программы;

- решение задач федерального органа исполнительной власти (федерального государственного органа или организации), если ведомственная целевая программа реализуется в рамках не программных направлений деятельности;

- на повышение результативности расходов федерального бюджета (постановление Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2005 года № 239 «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ»)» [8].

Особый порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ распространяется на программу вооружения и программы Российской Федерации: «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Развитие транспортной системы», «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». Ранее эти программы реализовывались в рамках федеральных целевых программ, с 2018 года они погружены в содержание пилотных государственных программ.

«Рамочные требования к национальным проектам закреплены в указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204. Они заключаются в том, что национальные проекты должны способствовать эффективному достижению национальных целей и стратегических направлений развития Российской Федерации. Осуществление национальных проектов и программ предполагает достижение к 2024–2030 годам достижения установленных в указах Президента Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации. Национальные проекты реализуются с 2018 года по направлениям стратегического развития Российской Федерации» [9]. Национальные цели развития носят «межпрограммный» («межпроектный») характер: достижение ни одной из национальных целей не может быть обеспечено в рамках лишь одной государственной программы и (или) национального проекта (программы). Кроме того, национальные цели

развития тесно взаимосвязаны между собой. Достижение одних целей находится в прямой зависимости от достижения других.

Рассмотрим некоторые особенности форм и методов административно-правового регулирования в сфере науки и образования. Основопологающим законодательным актом в сфере правового регулирования образования и науки является федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Государственная политика в сфере образования основывается, в частности, на следующих принципах:

- а) признание приоритетности образования;
- б) обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования;
- в) гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования и др.

В Российской Федерации гарантируется право каждого человека на образование. В нашем государстве гарантируются общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые. Система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования.

Проектным стратегическим документом, регламентирующим государственную политику в сфере образования, является постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изм. от 16 июля

2020 г. № 1063). Федеральная государственная программа «Развитие образования» рассчитана на 2018–2025 годы и предусматривает проектное управление. Она включает в себя четыре направления (подпрограмм), которые в свою очередь состоят из одиннадцати федеральных проектов и девяти ведомственных целевых программ. Это — четыре направления: 1) «Развитие среднего профессионального и дополнительного профессионального образования», 2) «Развитие дошкольного и общего образования», 3) «Развитие дополнительного образования детей и реализация мероприятий молодежной политики», 4) «Совершенствование управления системой образования». Федеральные проекты:

- федеральный проект «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)»;
- федеральный проект «Современная школа»;
- федеральный проект «Успех каждого ребенка»;
- федеральный проект «Поддержка семей, имеющих детей»;
- федеральный проект «Цифровая образовательная среда»;
- федеральный проект «Учитель будущего»;
- федеральный проект «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»;
- федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»;
- федеральный проект «Социальная активность»;
- федеральный проект «Социальные лифты для каждого»;
- федеральный проект «Цифровая культура».

В качестве результатов исполнения мероприятий по федеральным проектам установлено, например: вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Предлагается это реализовать посредством обновления содержания и технологий преподавания общеобразовательных программ, вовлечения всех участников системы образования (обучающиеся, педагоги, родители (законные представители), работодатели и представители общественных объединений) в развитие системы общего образования, а также за счет обновления материально-технической базы за 2019–2024 годы (федеральный проект

«Современная школа»).

Другим стратегическим документом, касающимся модернизации российского образования, выступает национальный проект «Образование». Его цели — это обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования место Российской Федерации в мире по присутствию университетов в ТОП-500 глобальных рейтингов университетов. Национальный проект «Образование» включает в себя десять федеральных проектов:

- Современная школа;
- Успех каждого ребенка;
- Поддержка семей, имеющих детей;
- Цифровая образовательная среда;
- Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования);
- Новые возможности для каждого;
- Социальная активность;
- Экспорт образования;
- Социальные лифты для каждого.

В области науки стратегическими документами государственной политики являются:

- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642;
- паспорт национального проекта «Наука», утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Данный национальный проект содержит три масштабных федеральных проекта: 1) федеральный проект «Развитие научной и научно-производственной кооперации», 2) федеральный проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской

Федерации», 3) федеральный проект «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок». Основными тремя целевыми показателями национального проекта обозначены: 1) обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития; 2) обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей; 3) опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны.

- Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года.

- постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

В ближайшем будущем ожидается дальнейшая трансформация государственной политики в научно-образовательной сфере. Предлагается для обсуждения единый национальный проект в сфере высшего образования и науки на 2021–2030 годы — национальный проект «Наука и университеты». В единый нацпроект войдут четыре федеральных проекта: «Интеграция», «Исследовательское лидерство», «Инфраструктура», «Кадры».

В итоге, на примере современного административно-правового регулирования сферы образования и науки представлены новые формы управленческой деятельности и его обновленные методы, неразрывно связанные с сущностью и единством проводимой государством политики.

Библиографический список

1. Научные основы государственного управления в СССР. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 219
2. Там же.
3. Там же.
4. Научные основы государственного управления в СССР. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 215.
5. *Шукина Т.В.* Правовое регулирование программно-целевого подхода в системе государственного управления в условиях стратегического развития Российской Федерации // Вопросы экономики и права. 2018. № 10 (124). С. 8–10
6. *Васильев А.И., Прокофьев С.Е.* Организация проектного управления в органах государственной власти // Государственное и муниципальное управление. 2016. № 4. С. 46.

7. Правовое регулирование новых стратегий публичного управления в Российской Федерации: учебник для магистратуры / Т. В. Щукина. — Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2018. С. 131–157.
8. Там же.
9. Там же.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº8 (146)
2020**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 31.08.2020

Format 60x84/8

Printed signatures 5.81

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Kolosov I.V. Does the Prisoner's Dilemma Determine the Regulatory Function of Law?	45
Krasnikov I.S. The problem of «statehood» in theories of political genesis	45
Ravochkin N.N. International state and legal institutions and their functioning specificity in conditions of globalization	47
Revina S. N., Kazaran A. G. Legal nature of information rights	47
Shushpanov M.K., Makarov A.P., Sarzhinsky N.S., Konovalov N.N., Zabaykalov A.P., Shchukina T.V. «My Voice (STUDY)» as a computer program - an online simulator of electronic voting in elections: the development of NTI and GameNet	48
Shchukina T.V. Forms and methods of administrative and legal regulation in the socio-economic sphere	49

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

**DOES THE PRISONER'S DILEMMA DETERMINE THE REGULATORY
FUNCTION OF LAW?**

© 2020 **Kolosov Igor Vladimirovich**

Postgraduate student of Chair of History of Law and State of the Institute of Law
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article proves the need to regulate public relations by law. The methodology of game theory is used. The theoretical significance of the article is that despite the presence of a significant number of English-language works, for the Russian legal science the question raised is relatively new. The relevance of the article and its practical significance is determined by the possibilities for identifying optimal solutions in the framework of lawmaking and law enforcement.

Keywords: Game Theory, Prisoner's Dilemma, Game, Operations Research, Regulatory Function of Law, T.Hobbes.

References

1. *Gobbs, T.* Soch.: v 2 t. [Works: in 2 volumes] M., 1989–1991. T. 2. M.: Mysl' — 731 s.
2. *Maksimova, N.N.* Teoriya igr: uchebno-metodicheskoye posobiye [Game theory: teaching aid] / N.N.Maksimova. — Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2015. — 94 s.
3. *Nemytina, M.V.* Interesy v pravovom izmerenii. [Interests in Legal Dimension] / V sbornike: «Interesy v prave. Zhidkovskiy chteniya», pod obshch. red. d.yu.n., prof. M.V.Nemytinoy. 2017. S. 5–13.
4. *Sigalov, K.Ye.* Istoricheskiye osnovaniya igr, immanentnykh pravu. [Historical Foundations of Games Inherent to Law] / V sbornike: «Pravo — yavleniye tsivilizatsii i kul'tury», pod obshch. red. d.yu.n., prof. M.V.Nemytinoy. Vypusk I. 2019. S. 45–52.
5. *Shavkunova, I.S.* Instituty i ikh rol' v zhizni obshchestva: ucheb. posobiye dlya studentov, magistrantov [Institutions and Their Role in Society: Textbook] / I.S.Shavkunova. — Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2015. — 72 s.
6. *Akerlof, G.A.* The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. In: *Estrin S., Marin A.* (eds) Essential Readings in Economics. 1995. Palgrave, London. P. 175–188.
7. *McAdams, R.H.* Beyond the Prisoner's Dilemma: Coordination, Game Theory and the Law. (*John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 437, 2008*). — 56 p.

THE PROBLEM OF «STATEHOOD» IN THEORIES OF POLITICAL GENESIS

© 2020 **Krasnikov Ivan Sergeevich**

E-mail: krasnikov.iwan@yandex.ru

The article reveals the existing lack of tools in the field of research of political and legal phenomena. The author formulates his own model of organizing disparate ideas about the formation of «statehood» as a social phenomenon. The proposed concept is based on the idea of dichotomous opposition of the civilizational age to global politics (images of statehood with a long and short genealogy). The central idea of such a conceptualization is based on the generalization of the variety of interpretations of «statehood» in their relation to the phenomenon of politogenesis. The article shows the substantial difference between the political communities of modern institutions.

Keywords: polity, chiefdoms, statehood with a short and long genealogy, modern, political genesis.

References

1. *Anderson P.* Genealogy of the absolutist state / per. from English Ivan Kurilla. — M.: Territory of the future, 2010. — 510, [1] p. — (University Library of Alexander Pogorelsky).
2. *Berlin I.* Philosophy of Freedom. Europe / Preface by A. Etkind. — M.: New literary review, 2001. — 448 p.
3. *Bourdieu P.* On the state: a course of lectures at the College de France (1989–1992) / per. with fr. D. Kralachkin and I. Kushnareva. — Moscow: Publishing house «Delo» RANEPa, 2016. — 720 p.
4. *Burckhardt J.* Culture of the Renaissance in Italy. — M.: Jurist, 1996. — 592 p. — (Faces of culture).
5. *Wallerstein I.* The World-System of Modernity. Volume II. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750 [2nd edition] / Per. from English, lit. ed., comm. N. Protsenko. — Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. — 493 p.
6. *Vlasov V. G.* Chizhevsky's pendulum, or how history kills geniuses. Additions to the theory of progressive cyclical development by F. I. Shmita // Architecton: news of universities. 2015. No. 49, p. 10
7. *Girke O. f.* Natural law and German law // *Savigny F. K.* background. The system of modern Roman law. T. I / Per. with him. G. Zhigulina; Ed. O. Kutateladze, V. Zubar. — M.: Statut, 2011. 510 p.
8. State as a work of art: 150th anniversary of the concept / Ed. ed. A. A. Huseynov. — M.: Letny sad, 2011. — 288 p.
9. *B. de Jouvenel.* Power. Natural history of its growth / per. with fr. [AND. V. Mateshuk, V. P. Gaidamak]. — Moscow: IRISEN: Mysl, 2010. — 544 — (Series: «Political Science»).
10. *Zavadsky S.* «The State of Welfare». Doctrine and Practice. / per. from Polish B. T. Chelyapova, A. A. Yakushev, ed. G. Kh. Shakhnazarov. — M.: Progress, 1966. — 376 p.
11. History of mankind: In 8 volumes. Vol. 1: Prehistoric times and beginnings of civilization / Ed. Z. Ya. De Laata [et al.]; [Resp. ed. E. A. Manushin]. — M.: UNESCO: Publishing house. House Magistr-Press, 2003. — 681 p.
12. *E. Kh. Kantorovich* Two bodies of the king. A Study on Medieval Political Theology. Ed. second, revised / Per. from English M. A. Boytsova, A. Yu. Seregina. — Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. — 752 p.
13. *Mann M.* Autonomous power of the state: origins, mechanisms and results // Emergency reserve. 2018. No. 2 (118). S. 3–33.
14. *Martyanov V. S.* Political Project of Modernity: from World Economy to World Politics: Russia's Strategy in the Globalizing World / V. S. Martyanov. — M.: ROSSPEN, 2010. — 357 [1] p.
15. *Muromtsev S.* Definition and basic division of law. — M.: Printing house A. I. Mamontova and Co, 1879. — 240 p.
16. *Pelipenko A. A.* Counter-evolution. — M.: Publishing house «Knowledge», 2016. — 240 p.
17. Early state, its alternatives and analogues / Ed. L. E. Grinina, D. M. Bondarenko, N. N. Kradina, A. V. Korotaeva. — Volgograd: Uchitel, 2006. — 558 p.
18. *Repin E. N.* Boundary theory of law. The beginnings of terminomy. [2020]. S. 17, 19, 37–40, etc.
19. *Skinner K.* The origins of modern political thought. In 2 volumes. Vol. 1: The Renaissance / translation from English by Andrey Oleinikov. — M.: Delo, 2018. — 461 p.
20. Dictionary of basic historical concepts: Selected articles in 2 volumes. Vol. 1 / Per. from German K. Levinson; comp. Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Schirle; scientific. ed. translated by Y. Arnautov. — M.: New literary review, 2014. — 736 p.
21. *Sorokin P. A.* Social and cultural dynamics / Per. from English, in entry st. and comments. V. V. Sapova. — M.: Academic project, 2017. — 964 p. — (Theories of society).
22. Theory and methods in modern political science: the first attempt at theoretical synthesis: [collection of articles by Norwegian political scientists] / ed. Stein Ugelvik Larsen; [trans. from English E. A. Zhukova]. — M.: ROSSPEN, 2009 (Ulyanovsk: Ulyanovsk Press House). — 750, [1] p.
23. *Wax R.* Philosophy of Law. Brief introduction / trans. from English S. Moiseeva. — M., 2020. — 176 p.
24. *Febvre L.* Battles for history. — M.: Nauka, 1991. — 630 p. — (Monuments of historical thought)
25. *Shatsky E.* History of sociological thought. Volume 1 / Per. from Polish Barzova E., Vasiliev A., Vertyachikh N., Muradyan G., Urazbekova A., Fedorova V., *Chekhova O.* — M.: New Literary Review, 2018. — 720 p. — (Series: Intellectual History).
26. *Perini L.* Lucien febvre et la renaissance de jules Michelet // Revue européenne des sciences sociales. 1994. T. 32. No. 98. La rationalité reconstruite et les sciences du salmigondis historique. 177 p.
27. *Skinner Q.* A genealogy of the modern state // Proceedings of the British Academy. 2009. P. 325–370.
28. *Watson A.* Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. Front Cover. University Press of Virginia, 1974. 106 p.

INTERNATIONAL STATE AND LEGAL INSTITUTIONS AND THEIR FUNCTIONING SPECIFICITY IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

© 2020 **Ravochkin Nikita Nikolaevich**

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate professor of law and humanitarian disciplines department,
Associate professor of landscape architecture department
Kuzbass state agricultural academy, Kemerovo, Russia
Associate professor of history, philosophy and social sciences department
Kuzbass state technical university named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia
E-mail: nickravochkin@mail.ru

This article proposes to consider the specifics of the formation and functioning of state and legal institutions at the international level in the context of globalization. The author gives interpretations of the institution and presents a scheme of the formation of the considered social institutions, associated with external and internal reasons and having three basic bases. The logic of reasoning does not bypass the essential characteristics of international relations. It is shown what types of state and legal institutions are widespread in the modern globalizing world. In addition, the article highlights the principles of functioning of international state-legal institutions that affect national systems of legal norms.

Keywords: state and legal institutions, globalization, law, state, politics, society, international organizations, norms.

LEGAL NATURE OF INFORMATION RIGHTS

© 2020 **Revina S. N.**

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law
Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: 29.revina@mail.ru

© 2020 **Kazaran A. G.**

PhD student
Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: hak-kazaryan@mail.ru

The development process of a modern state is characterized by the introduction of the latest information technologies, a significant acceleration of the process of obtaining, processing, analyzing information. Legal relations in the field of access to public information are directly related to the implementation of constitutional provisions regarding the observance and proper implementation of human and civil rights and freedoms. Ensuring information rights is associated with the general problems of reforming the state apparatus and the importance of adapting information legislation to create modern forms of public administration of information relations.

Ensuring information rights, including through administrative and legal means, is one of the topics that often becomes the subject of special attention of domestic legal scholars. The studies of these scientists covered issues related, in particular, to the definition of the administrative and legal status of a person, the mechanism for ensuring the rights and freedoms of man and citizen, the activities of state authorities in this area.

At the same time, special scientific studies on public legal provision of information rights confirm the need for a deep study of the mechanism of administrative and legal provision by public authorities of the right to free access to public information and indicate the relevance of the chosen topic.

Keywords: information rights, the right to information, legal regulation, public law support, subjective rights, information society, information technology, information relations, information infrastructure relations, public relations.

«MY VOICE (STUDY)» AS A COMPUTER PROGRAM - AN ONLINE SIMULATOR OF ELECTRONIC VOTING IN ELECTIONS: THE DEVELOPMENT OF NTI AND GAMENET

© 2020 **Shushpanov Mikhail Konstantinovich**

3rd year student

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

© 2020 **Makarov Andrey Pavlovich**

3rd year student

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

© 2020 **Sarazhinsky Nikita Sergeevich**

3rd year student

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

© 2020 **Konovalov Nikolay Nikolaevich**

Associate Professor of the Department of Applied Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Economics and Law

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

© 2020 **Zabaykalov Andrey Pavlovich**

Associate Professor of the Department of Applied Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Economics and Law

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

© 2020 **Shchukina Tatiana Vladimirovna**

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Applied Law

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

The subject of this article is the study of new directions of the National Technology Initiative; consideration of the legal regulation of the problems of the modern electoral system, the introduction of electronic voting. The topic of the article reflects the development of educational products obtained in the process of carrying out interdisciplinary humanitarian and technical research from the point of view of the formation of an innovative digital infrastructure of Russian universities. The purpose of this article is to present a computer program «My Voice (STUDY)» in the format of an online simulator of electronic voting in elections. The methodology of this work was made up of comparative, formal legal, analytical methods. The results of the work are the formulation of the features and significance of applied educational electronic technologies for legal education. The scope of application of the results of work includes the system of public administration and education.

Keywords: electoral system, national technology initiative, electronic voting, online simulator

References

1. *Belsky, L.* (2019), « How technology will change higher education», available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/12/11/818499-tehnologii-izmenyat> (accessed 11 December 2019)
2. *Kolomytseva, O., Pavlovska, A.* (2020), «The role of Universities in the National Innovation System», *Baltic Journal of Economic Studies*, Vol. 6, No. 1, pp. 51–58.

3. *Zabajkalov A. P.* Primenenie cifrovyyh tekhnologiy v processe golosova-niya // Gosudarstvo, obshchestvo, biznes v usloviyah cifrovizacii: sbornik na-uchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konfe-rencii. Saratov, 2020. S. 36–40.

FORMS AND METHODS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE SOCIO-ECONOMIC SPHERE

© 2020 **Shchukina Tatiana Vladimirovna**

Doctor of Law, Associate Professor

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The subject of this article is the study of new forms and methods of implementation of public administration in the socio – economic sphere, including consideration of modern legal regulation. The topic of the article reflects the issues of transformation of forms and methods of public administration in the socio-economic sphere from the point of view of the formation of an innovative infrastructure for strategic development in the Russian Federation. The purpose of this article is to identify a new system of forms and methods of public administration in the socio-economic sphere at the present stage of management, the place and role of the state in this process. The methodology of this work was compiled by comparative, formal-legal, analytical methods. The results of the work are the formulation of the features of methods and forms of management in the socio-economic sphere. The scope of application of the results of work includes the public administration system.

Keywords: public administration in the social and economic sphere, forms and methods of management

References

1. Nauchnye osnovy gosudarstvennogo upravleniya v SSSR. M.: Izdatel'-stvo «Nauka», 1968. S. 219
2. Tam zhe.
3. Tam zhe.
4. Nauchnye osnovy gosudarstvennogo upravleniya v SSSR. M.: Izdatel'-stvo «Nauka», 1968. S. 215.
5. *Shchukina T. V.* Pravovoe regulirovanie programmno-celevogo podhoda v sisteme gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah strategicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii // Voprosy ekonomiki i prava. 2018. № 10 (124). S. 8–10
6. *Vasil'ev A.I., Prokof'ev S.E.* Organizaciya proektnogo upravleniya v organah gosudarstvennoj vlasti // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2016. № 4. S. 46.
7. Pravovoe regulirovanie novyh strategij publichnogo upravleniya v Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya magistratury / T.V. SHCHukina. — Voro-nezh: IPC «Nauchnaya kniga», 2018. S. 131–157.
8. Tam zhe.
9. Tam zhe.